

Владимир Мелентьев

ФЕЛЬДМАРШАЛЫ ПОБЕДЫ

Кутузов и Барклай де Толли

ПИТЕР

Владимир Мелентьев

**Фельдмаршалы Победы.
Кутузов и Барклай де Толли**

«Питер»

2012

Мелентьев В. Д.

Фельдмаршалы Победы. Кутузов и Барклай де Толли /
В. Д. Мелентьев — «Питер», 2012

Отечественная война 1812 года не завершилась Бородинским сражением и освобождением Отчизны. Русская армия в течение еще трех лет вела напряженную борьбу против наполеоновских полчищ. Именно ей принадлежала решающая роль в «Битве народов» и штурме Парижа. В 1815 году, преодолев с боями землю недруга, она снова была на Елисейских полях, изумив Европу великолепным парадом Победы. Вели к победам русское воинство выдающиеся полководцы Российской империи – фельдмаршалы Михаил Илларионович Кутузов и Михаил Богданович Барклай де Толли, боевой деятельности и жизни, а также посмертной славе которых посвящена эта книга.

© Мелентьев В. Д., 2012

© Питер, 2012

Содержание

От автора	5
Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	19
Глава III	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Владимир Дмитриевич Мелентьев

Фельдмаршалы Победы.

Кутузов и Барклай де Толли

От автора

Отечественная война 1812 года явилась величайшим событием мировой истории и в то же время огромной трагедией для русского народа. Как и во времена Чингисхана, вновь встал вопрос: быть ли русскому народу свободной, независимой, самодостаточной нацией или оказаться под ярмом врага? И народ крепостной России, забыв о пугачевской вольнице, грудью встал на защиту своей отчизны. Как и в 1941 году, воевать России пришлось не только с агрессором, но и со всей покоренной им Европой. Как и в годы Великой Отечественной войны, потребовалось неимоверное напряжение духовных и физических сил народа, чтобы разгромить врага и освободить страну и Европу от оккупации.

Ныне, отмечая 200-летний юбилей войны 1812 года, мы отдаем дань уважения не только стойкости и мужеству прошлых поколений, но и тем, кто в архитрудную пору, проявив величайшую самоотверженность, возглавил борьбу русского народа с наполеоновской Францией. На скрижалях отечественной истории вполне правомерно запечатлены имена выдающихся полководцев XIX века, фельдмаршалов Российской империи Михаила Илларионовича Кутузова и Михаила Богдановича Барклая де Толли, жизни и боевой деятельности которых и посвящена наша книга.

Автор знакомит читателя с бурными событиями российской истории на рубеже XVIII–XIX веков. Первая часть книги повествует о Барклае де Толли. Название ее «Бросался ты в огонь» заимствовано из стихотворения Александра Сергеевича Пушкина «Полководец».

Вторая часть посвящена Кутузову. Название ее «Ты встал – и спас»¹ также заимствовано из пушкинского стихотворения «Перед гробницею святой». Общими связующими звеньями повествования являются Отечественная война 1812 года (в ходе которой Кутузов и Барклай де Толли возглавляли русскую Большую действующую армию) и столица государства российского город Санкт-Петербург, в коем решались все политические и военные дела; здесь же провели свое детство и юность эти два выдающихся полководца и военачальника.

¹ Вторая часть повести является переработанным и дополненным вариантом ранее опубликованной книги автора «Кутузов в Петербурге».

Часть первая «Бросался ты в огонь» Михаил Барклай де Толли

Глава I «Этот генерал много обещает и далеко пойдет»

Зима 1808–1809 года выдалась в Петербурге студеной. Довольные ядреным морозцем, скованной льдом Невой и затишьем в войне со Швецией, жители Северной Пальмиры предавались отдыху. Знать разъезжала на рысаках, запряженных в санки, по ледяному покрову Невы, простой же люд довольствовался катаньем с ледяной горки огромной высоты, сооруженной здесь же.

На фоне Ростральных колонн, внушительных Адмиралтейства, Петропавловки и великолепия Зимнего идиллия была несомненной. Омрачалась она лишь унылым видом постовых, что стояли на Исаакиевском мосту, соединявшем Невскую перспективу с Васильевским ост-

ровом. Дело в том, что пользовались оным сооружением зимой весьма неохотно, предпочитая плате за проход многочисленные тропы, проложенные через Неву.

И все же многие в граде столичном пребывали в тревожном ожидании. Ведь Петербург находился на положении прифронтового города. Ну а пока зима и баталии вряд ли в такую стужу возможны, не грех отдохнуть и расслабиться.

Спокойная жизнь петербуржцев, однако, длилась не так уж долго. Вскоре город облетела тревожная весть. Россия возобновила военные действия против Швеции. Надо сказать, что война сия, начатая еще в 1808 году, особых восторгов у россиян не вызывала, слишком уж много войн пришлось вести матушке-Руси в начале наступившего века. Впрочем, были у некоторых на сей счет и свои соображения. Ну что ж, говорили они, одержав очередную победу в войне со Швецией, Россия еще более упрочит свое положение в Балтии.

И все же сообщение о начале военных действий вызвало изрядные пересуды.

Разве можно воевать при таких холодах и снегах, в отсутствие у солдат зимнего обмундирования – возмущались многие. Более того, оказалось, что русские войска форсируют по льду Ботнический залив и пролив Кваркен!

Те, кто бывал в этих местах (а таких в Петербурге было немало), хорошо представляли опасность предприятия. Особо же беспокоил пролив Кваркен. Авантюризм, да и только – было их мнение. Разве можно рисковать жизнью солдат, коль известно, что лед здесь весьма непрочен, с постоянными подвижками, полыньями и расселинами, запорошенными снегом. А стоит сильному ветру подняться или, не дай бог, шторму налететь, как вся эта громада превращается в ледяную кашу!

Удивляло и то, что предводительствует русскими войсками на опаснейшем из направлений неизвестный доселе генерал с нерусской, диковинной фамилией – Барклай де Толли.

Вскоре мало-помалу стали известны и детали операции. Выходило, что один из корпусов под руководством генерала Шувалова совершал поход вокруг Ботнического залива с выходом на шведский берег. Другой, руководимый генералом Багратионом, шел по льду через Аландские острова на Стокгольм. Корпусу же Барклая предстояло пройти через пролив Кваркен с выходом на берег в районе от Вазы до Умео, дабы пресечь ретираду неприятеля.

Расчет был на внезапность, с твердой уверенностью в том, что затею сию шведские генералы сочтут за нелепость.

Впрочем, и многие из русских военачальников были солидарны с недругом. Так, двое из троих командующих группировками (Барклай де Толли и Шувалов) критиковали операцию при ее обсуждении. Сам главнокомандующий русскими войсками в Финляндии генерал Кнорринг был против такой авантюры. Лишь Петр Иванович Багратион коротко, по-солдатски отпартортовал: «Прикажете идти – пойду».

Но прибытие на театр войны военного министра генерала от артиллерии Аракчеева с наистрожайшим повелением монарха «к незамедлительным действиям» сняло на сей счет все сомнения.

Думается, однако, что и сам военный министр был не в полной уверенности, удастся ли рискованное дело. Поэтому, напутствуя Барклая перед началом похода, он говорил, бравируя: «Желал бы я быть не министром, а на вашем месте, ибо министров много, а переход через Кваркен Провидение предоставляет только вам одному». (Вещая так, Аракчеев, сам того не подозревая, оказался «ясновидящим». Пожелание его не быть военным министром вскоре сбылось. Должность эта была занята Барклаем де Толли.)

Как бы там ни было, а 16 марта², тайно собрав на безлюдных островах Вольтрунте и Биерке отряд численностью в пять тысяч человек (при восьми орудиях), Барклай повел вверенное ему войско «в открытое море».

² Все даты даны по новому стилю. Исключение составляют подлинники приводимых документов.

Вот как описано это событие одним из очевидцев: «Свирепствующая в эту зиму жестокая буря, сокрушив толстый лед на Кваркене, разметала его на всем пространстве огромными обломками, которые подобно диким утесам возвышались в разных направлениях, то пересекая путь, то простирались вдоль оною».

Вдали гряды льдин представляли необыкновенное зрелище. Казалось, будто волны морские замерзли мгновенно, в минуту сильной зыби. Трудности похода увеличивались на каждом шагу. Надлежало то карабкаться по льдинам, то сворачивать на сторону, то выбираться из глубокого снега, покрытого обломом. Пот лился с чела воинов от излишнего напряжения сил, и в то же время пронзительный и жгучий северный ветер стеснял дыхание, мертвил тело и душу, возбуждал опасение, чтобы, превратившись в ураган, не взорвал ледяные твердыни... Кругом представлялись ужасные следы разрушения, и, сии, так сказать, „развалины моря“ напоминали о возможностях нового переворота».

Действительно, трудности были невероятные. Трое суток шел отряд, выбиваясь из сил. Лошади скользили и падали. Короткие привалы проводили на бивуаках без огня и костров. Шли без проводников днем и ночью, ориентируясь лишь на компас. «Понесенные в сем походе трудности, – доносил Барклай, – единственно русскому преодолеть можно».

И тем не менее утром 20 марта войско Барклая внезапно вышло к шведскому берегу. Застигнутые врасплох, не в силах сдержать дерзкий натиск русских воинов, шведы поспешно отступили. Обратившись к солдатам с призывом «...не запятнать приобретенной славы, оставить в чужом крае память, которую бы чтит потомство», Барклай преследовал супостата. Когда авангард его вышел к Умео, прибыл парламентар с пожеланиями «о мире», на что Барклай с достоинством отвечал: «Войско русское не может быть удержано в своих успехах ни какими предложениями, ни препятствиями. Но! Ежели шведы желают получить пощаду, то сам генерал их должен, не медля, явиться ко мне».

Скорый «на приглашение» генерал Кронштет убедительно просил Барклая о прекращении огня, уверял в миролюбии Швеции, в том, что король Густав IV лишен престола и в управление государством вступил герцог Зюдермаландский. Сведения об успехах корпусов Шувалова и Багратиона, как и многие печатные манифесты, убедили Барклая в этом.

24 марта русские войска торжественным маршем вступили в Умео, на стенах коего реяли белые флаги побежденных. По заключенному перемирию Умео и прилегающие к нему земли были «уступлены русскому оружию».

Впрочем, перемирие длилось недолго. Вскоре Россия возобновила военные действия. При этом главнокомандующим на театре войны был назначен Барклай де Толли. Успешные действия русских войск под его началом завершены были Фридрихсгамским мирным договором, подписанным 17 сентября 1809 года, по которому к России отошли Финляндия и Аландские острова. Русско-шведская граница стала отстоять от Петербурга на 500 километров. Губернатором вновь приобретенных земель назначен был (возведенный в чин генерала от инфантерии) Михаил Богданович Барклай де Толли. Он же за беспримерный подвиг, совершенный им и подчиненным ему войском, удостоен был ордена Святого Александра Невского³ и памятной медалью «За переход на шведский берег».

Пушечная пальба и фейерверки озаряли в те дни небо Петербурга. На приемах, балах, банкетах и русских застольях произносились хвалебные речи русскому воинству. Не забывали при этом и Михаила Богдановича Барклая де Толли.

Вскоре о Барклае де Толли заговорили в столичных кругах более громко. Причиной тому было совершенно неожиданное назначение его на пост военного министра сухопутных сил Российской империи. Посудачить же было о чем. Шутка ли! Сменял самого Аракчеева, правую

³ Орден Александра Невского был вторично учрежден в период Великой Отечественной войны.

руку Его Императорского Величества Павла I, графа, генерала от артиллерии, на коленях у коего играл наследник престола, нынешний император.

Хотя, справедливости ради надо сказать, что многие, выражаясь современным языком, такой перестановкой кадров были весьма довольны. Слишком уж одиозной была фигура графа. Неслучайно правление его в армии было наречено «аракчеевщиной».

Сутуловатый, костляво-жилистый, со свирепым взглядом, жестокий и скорый на расправу, Аракчеев вызывал у подчиненных страх и отвращение. Не лучшее впечатление оставлял шеф военного ведомства и в светских кругах. Солдафонство и грубость его изумляли просвещенную публику.

Яркое описание личности военного министра дал биограф тех времен Ф. Вигель. «Аракчеев, – писал он, – употреблял с пользой данную ему от природы суровость, давая преданности своей вид какой-то откровенности, и казался бульдогом, какой не смел никогда ластиться к господину, но всегда готовый напасть и загрызть тех, кои бы воспротивились его воле».

Однако военный министр слыл способным администратором, обладал хорошей памятью, трудолюбием, исполнительностью и к тому же (как уже говорилось) собачьей преданностью монарху. Если к сказанному добавить его сиюминутную готовность решительно пресечь любой случай неповиновения царю, то как для здравствующего Александра, так и для убиенного отца его Павла Аракчеев был просто находкой. Не случайно же он удостоен был монаршей милости – девиза графскому гербу «Без лести предан» (переделанного в свете в «Бес лести предан»).

Естественно, возникает вопрос, почему столь преданный государю слуга оказался отрешенным от власти? Ответ дала сама жизнь, точнее – неудачи русской армии в минувших войнах, когда прусская военная школа, на которую ориентировался Павел I (вкуче с Аракчеевым), потерпела крах в двух первых столкновениях с Наполеоном⁴. В преддверии надвигающейся крупной войны с буржуазной Францией нужна была срочная военная реформа с глубокой реорганизацией вооруженных сил.

Оказалось, что кандидатуры военных министров князя Вязьмитинова и графа Аракчеева для столь существенных преобразований армии были непригодны. Вместе с тем, не желая расставаться с милым сердцу военным экс-министром, император определил его на должность председателя департамента военных дел Государственного совета.

Однако и от назначения Барклая де Толли российская знать тоже не была в восторге.

– Молод, неопытен, замкнут, – говорили одни.

– Что это за военный министр, не имеющий ни единой души крепостных? Кого же защищать такой военный министр будет? Как быстро же забыли походы Емельки Пугачева! – сетовали родовитые.

– Опять немец? – вопрошали русофилы. – Что, своих, русских, что ли, нет? Обложила же немчура царя-батюшку! Мы, русские, уже и не хозяева в своем доме! Да что и говорить. Сам-то Александр русского мало что имеет. Разве что только фамилию Романов, да и то по царскому этикету мало произносимую. Посмотришь на его переписку: все на немецком да на французском, будто это совсем не русский царь! Да и родословная его не может не вызывать удивления!

Действительно, внук немца из Голштинии (Петра III) и немки из Ангальт-Цербста (Екатерины II), сын немецкой принцессы Вюртембергской (императрицы Марии Федоровны), вскормленный молоком немки из Лифляндии, он и думал по-немецки, проявляя каждый раз неспособность к длительному, обстоятельному разговору на русском.

Однако пересуды пересудами, а рескриптом Его Императорского Величества генералу от инфантерии Михаилу Богдановичу Барклаю де Толли надлежало быть военным министром сухопутных сил Российской империи.

⁴ Речь идет о русско-австро-французской войне 1805 года и русско-прусско-французской войне 1806–1807 годов.

Словом, заинтересованной публике ничего не оставалось, как «поближе» познакомиться с преемником Аракчеева. Из бесед и расспросов выяснилось, что новый военный министр немцем себя вовсе не считает. Оказалось, что дед его, шотландский дворянин Барклай, еще в начале прошлого века, покинув берега Туманного Альбиона, поселился в Дании. Очевидно, здесь «после перемешивания кровей» и появилась столь необычная приставка к его фамилии.

Безусловно, это был человек незаурядных способностей, поскольку вскоре занял пост бургомистра Риги (Литва была в ту пору вотчиной Дании). С завоеванием Россией (в ходе Северной войны) Прибалтики и выкупом у Дании Латвии бургомистр Риги оказался под русской короной.

Народившегося сына своего бургомистр нарек Готтардом⁵, что в переводе на русский означало «богом данный», а потому и трансформировано было в русское имя Богдан. Известно, что дворянин Готтард-Богдан служил офицером русской армии. В 1750 году в возрасте 24 лет в чине поручика он вышел в отставку, приобрел небольшое имение Лиел-Лугеши недалеко от г. Валги (без «крещенной собственности», то есть без крепостных). Вскоре он женился на дочери соседа, помещика имения Бекгоф фон Смиттена – Маргарите Елизавете⁶.

Можно предположить, что Готтард-Богдан, в отличие от отца своего, не был столь удачлив, поскольку чин поручика перешагнуть не смог, а приобретенное им имение вскоре было продано с молотка. Есть сведения о том, что отставной поручик Богдан Барклай де Толли пребывал якобы на посту пастора, словом, являл собой дворянина «с весьма ограниченным состоянием», а попросту говоря, вольного арендатора мызы Памушисе, а затем мызы Лайксаар.

Единственное, в чем преуспел отставной поручик, так это в преумножении рода своего. В семье его было семеро детей (выжили пятеро – три сына и две дочери). По обычаям тех времен сыновья были записаны в полки Его Императорского Величества. Старший из них, Иоганн, дослужился до инженер-генерал-майора, младший, Генрих, закончил службу в звании майора артиллерии.

Что же касается среднего из братьев, Михаила⁷, то его в трехлетнем возрасте призрела семья бездетного полковника (в последующем бригадира⁸) Георга Вильгельма Вермелена⁹, женатого на тетке матери – Августе. В 1767 году Михаил записан был в Новотроицкий кирасирский полк, а на девятом году жизни (в 1769 году) произведен был вахмистром «с оставлением дома для окончания наук». Конечно, ни о каких кадетских и пажеских корпусах неродовитому дворянину думать не приходилось, и бригадный генерал Вермелен не жалел ни времени, ни средств на воспитание и образование приемного сына, прививая ему чувство справедливости, честность, трудолюбие, пунктуальность, бережливость и прилежание.

К этому надо добавить страсть юноши к чтению книг. Предаваясь чтению и размышлениям, Михаил оказался не по годам серьезным и замкнутым. Неслучайно комиссия, проэкзаменовав «вахмистра» (в 1776 году), констатировала великолепные знания его в военных предметах, истории и языках.

В 17 лет Михаил Барклай де Толли, оставив дом Вермеленов, поступил на действительную военную службу в Псковский кавалерийский карабинерский полк в звании корнета и через пять лет добросовестного исполнения обязанностей произведен был в чин секунд-поручика.

Еще через три года полковой службы, коя характеризовалась «не токмо прилежностью, но понеже изрядно и самоучением», молодой офицер оказался генеральс-адъютантом у родственника императрицы графа Фридриха Ангальта, а в 1788 году он уже в должности старшего

⁵ Полное имя Вейнгольд Готтард.

⁶ Предки жены – шведские дворяне, офицеры русской армии.

⁷ Родился 27 декабря 1761 года в Памушисе Лифляндской губернии. Полное имя Михаил Андреас.

⁸ Бригадир – воинское звание в русской армии. Сопоставимо с бригадным генералом.

⁹ Здесь же вскоре на положении приемной дочери оказалась и младшая сестра Кристина, которая в возрасте одного года осталась без матери. Михаил и Кристина всю жизнь любили друг друга.

адъютанта у принца Виктора Ангальта, с коим и отправился на поля сражений русско-турецкой войны.

Именно в 1788 году, в армии Потемкина, осаждающей Очаков, появился скромный капитан Михаил Барклай де Толли, не примеченный находившимися здесь же генералами: ни Александром Васильевичем Суворовым, ни Михаилом Илларионовичем Кутузовым. Вскоре, однако, хладнокровие и мужество адъютанта, храбро исполнявшего поручения, отмечено было орденом Святого Владимира IV степени и Очаковской штурмовой медалью.

В 1790 году, после перемещения шефа в Финляндию, Барклай оказался при нем в должности уже дежурного майора. В бою за шведскую крепость Керникоски смертельно раненный принц вручил Барклаю шпагу свою со словами: «Употребить оную на пользу и славу России»¹⁰. По окончании войны со Швецией Барклай снова в боях, но теперь уже в Польше. Пожалуй, в этой кампании он и стал мало-мальски известен, поскольку пополнил ряды георгиевских кавалеров.

Многие из участников той войны с конфедератами припоминали, что именно майор Барклай принудил сдаться в плен довольно сильный отряд польского полковника Грабовского.

Пройдя войсковой путь от командира батальона до полковника – командира образцового егерского полка, Барклай удостоен был (в 1799 году) генеральского звания. Именно тогда инспектировавший полк фельдмаршал Н. В. Репнин, указывая на него, произнес: «Меня уже не будет на свете, но пусть вспомнят мои слова. Этот генерал много обещает и далеко пойдет».

Однако наиболее памятными, конечно же, были события недавней войны с наполеоновской Францией, точнее – Пултуцкого сражения 1806 года. Здесь французскому маршалу Ланну, несмотря на превосходство в силах и чрезмерную напористость, так и не удалось прорвать правый фланг русских войск под командованием генерала Барклая.

Частичные успехи Ланна Барклай парализует то ударом в штыки, то перегруппировкой сил, то контратакой, то удачным вводом резервов, то ударом артиллерии. В ходе сражения Барклай не один раз водил своих воинов в штыковую атаку. После событий пултуцких грудь генерал-майора Барклая де Толли украсилась вторым георгиевским крестом.

Разумеется, в биографии военного министра были не только удачи. Были и страницы, полные горечи и отчаяния. Одну из них хорошо знали его боевые друзья.

В январе 1807 года в очередной схватке с наполеоновскими войсками он успешно выдержал натиск группировки противника, чем обеспечил соединение главных сил Л. Беннигсена в борьбе за Прейсиш-Эйлау. Выполняя приказ главнокомандующего «во что бы то ни стало удерживать Эйлау», Барклай удерживал этот пункт, несмотря на четырехкратное превосходство врага. Дважды он вынужден был оставлять Эйлау и дважды овладевал им заново.

В конце боя, в одной из контратак, контуженный и тяжело раненный в правую руку генерал рухнул. Лежавшего без сознания в пылу сражения запросто могли растоптать в кавалерийской сече, он мог скончаться от потери крови, наконец, просто мог быть взят в плен.

Ангелом-хранителем Барклая оказался лихой гусар Изюмского полка Сергей Дудников. Взмахнув на коня тело раненого генерала, под свист пуль и вой разлетающихся осколков от ядер он вывез его на перевязочный пункт¹¹.

Ранение оказалось настолько серьезным, а рука настолько изуродованной, что с армией Михаилу Богдановичу пришлось расстаться. С незаживающей кровотокашей и гниющей раной пребывал он в Мемеле. Ситуация для Барклая складывалась непростая. Дело в том, что хирург Мемеля настаивал на ампутации руки, а лечащий врач предлагал операцию с сохранением руки.

¹⁰ Умирая через 28 лет, Михаил Богданович попросил похоронить его вместе с этой шпагой.

¹¹ За этот подвиг унтер-офицер С. Дудников был награжден знаком георгиевского креста.

Время шло – и ни то ни другое не делалось. В начале апреля 1807 года проездом в Мемеле оказался Александр I, ехавший на встречу с прусским монархом Фридрихом III. Узнав о находившемся здесь в критическом положении генерале, он посылает к нему своего личного врача лейб-медика Джеймса Виллие. Виллие, сделав экстренную операцию (в квартире Баркляя), вынул из раны 32 осколка костей! Михаил Богданович мужественно перенес эту операцию, не проронив ни единого звука. Анестезии тогда еще не было.

По возвращении государь сам навестил тяжело раненного генерала. Здесь и состоялось их первое знакомство. Беседа была долгой. Желая знать подробности военных действий в схватках с Наполеоном, царь остался доволен глубокими познаниями военного дела Баркляем, его великолепной военной эрудицией, серьезными размышлениями и выводами. Словом, впечатление от встречи осталось у монарха наиболее благоприятное, что сыграло решающую роль для всей последующей жизни генерала.

Поздравив Баркляя с награждением очередным орденом Святого Владимира и пожелав скорейшего выздоровления, император уехал¹². Очевидно, все это и послужило стимулом к выздоровлению и возвращению генерала в строй. Вскоре он уже пребывал в должности начальника дивизии и в звании генерал-лейтенанта.

В начавшейся в 1808 году войне со Швецией генерал-лейтенант Барклай де Толли успешно командует корпусом. Оценивая действия его, главнокомандующий Бугсгевден доносил царю: «От успешных действий Баркляя де Толли зависело все».

Однако самостоятельность в действиях Баркляя вызвала бурный гнев того же главнокомандующего, что привело к отстранению Баркляя от командования и увольнению его от армии «по приключившейся болезни». Положение спас император. Разобравшись в сути дела, он одобрил действия «виновного», и Барклай «был на коне». А в марте 1809 года «выздоровевший» генерал-лейтенант Барклай де Толли (как уже говорилось) провел великолепную операцию по форсированию пролива Кваркен и достижению великолепной победы в очередной войне со Швецией.

12 марта 1810 года генералитет столичного гарнизона и чиновный люд военного министерства собраны были в конференц-зале военного ведомства. Всем, от высшего чина до челяди, надлежало быть «при параде». Коридоры, лестницы, кабинеты и прочие помещения приведены были в надлежащий вид. Паркетные полы натерты до блеска. Постовые у зданий и внутри них были похожи на оловянных солдатиков. Улицы, прилегавшие к министерству, что размещалось на Гороховой улице, тщательно подметены от снега. Ожидали приезда императора с представлением нового шефа военного ведомства. Для многих встреча с императором была первой в их жизни, поэтому готовились к ней трепетно.

Произошло же все довольно обыденно.

Из подъехавших поутру карет вышли: председатель Государственного совета Н. П. Румянцев, генерал от артиллерии А. А. Аракчеев и генерал от инфантерии М. Б. Барклай де Толли, который и имел честь быть представленным на пост военного министра сухопутных сил Российской империи.

К собравшимся в конференц-зале вышли три разительно непохожих друг на друга человека. Первый из них – Николай Петрович Румянцев, заимствовавший от фельдмаршала Румянцева-Задунайского высокую статную фигуру, второй – сутуловато-костлявый Аракчеев и за ним – высокий, худощавый Барклай де Толли. Председатель Государственного совета, зачитав

¹² Любопытно, что, уезжая, Александр I поинтересовался, нужна ли генералу материальная помощь. Михаил Богданович решительно ответил, что он ни в чем не нуждается. На самом деле ему нечем было расплатиться за занимаемую им квартиру, и он с нетерпением ждал денежного перевода от двоюродного брата, бургомистра Риги. После отъезда царя жена пеняла мужу: «Почему не признался в своем бедственном положении?» Положение же Михаила Богдановича было действительно, мягко говоря, сложным. Лифляндский военный губернатор писал царю в этой связи: «По неимуществу своему Барклай де Толли даже детей своих воспитывать, как должен, не в состоянии».

официальные документы, сел на услужливо подставленный ему стул. Теперь перед собравшимися оставались два худощавых «полных генерала»¹³.

Военный экс-министр, обладатель узкого «с лошадиным овалом лица», больших мясистых ушей и такого же нависающего над большим ртом носа, упавшим голосом пытался показать, что он все еще «при власти». Призвав присутствующих столь же усердно служить государю, скромно уселся.

Теперь черед был за Барклаем. Перед собравшимися предстал моложавый, высокий, затянутый в узкий мундир генерал. Его изуродованная, не сгибающаяся в локте правая рука никак не могла принять «положение основной строевой стойки», находясь где-то посередине пояса. Пытаясь скрыть сию несообразность, он постоянно брал ее в левую руку, что делало его похожим то ли на проповедника, выступающего перед паствой, то ли на дипломата при вручении верительной грамоты.

Бледное, продолговатое лицо, обрамленное бакенбардами, отличалось серьезным спокойствием и задумчивым выражением, высокий лоб, умный твердый взгляд. Его манера держаться спокойно, независимо, прихрамывающая походка (как следствие ранения) внушали уважение. Говорил он медленно, ровным, негромким, но твердым голосом, взвешивая каждое слово. В речи его была слышна удивительная смесь английского, немецкого и прибалтийского акцентов. Коротко ознакомив присутствующих со своей биографией, новый министр выразил уверенность в успешном совместном служении на благо отечества.

«При всей своей скромности наружность его производила величественное впечатление. Он казался рожденным предводительствовать и повелевать», – так засвидетельствовал сей факт очевидец.

Итак, генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай де Толли на посту руководителя военного ведомства сухопутных сил России. Первые недели на министерском посту ушли на ознакомление с делами подчиненного ведомства, с его руководящим чиновным людом и со столичным гарнизоном.

Ему, как человеку, прошедшему более двух десятилетий в войсках, бросалось в глаза явное превосходство в быте, размещении и обеспеченности столичных военных, «цивилизованное барство» гвардии и высокомерное отношение офицерской элиты к провинциалам. Пришлось наводить порядок как среди «демократически» настроенных дворянских отпрысков, так и среди некоторых офицеров гарнизона, чрезмерно увлекавшихся балами, карточной игрой да выяснением отношений «дуэльным методом». Главное же – надлежало привести в должную систему разбухшую численность военного ведомства с ее неразберихой, волокитой и путаницей.

Рабочий день в министерстве начинался в 8 часов утра и завершался в 6 часов пополудни. Однако военный министр за час «до общего сбора» всегда был за своим рабочим столом, а покидал кабинет свой за полночь. Совершенно новая для Барклая административная должность, как и запущенность дел, требовала немало усилий и времени.

Равнодушный к балам и приемам, всецело преданный службе, он мало вписывался в привычный образ своих предшественников. Строгий, прямолинейный, требовательно-пунктуальный характер его, граничащий с педантизмом, оказался многим не по нраву.

Одновременно пришлось «оформляться» и домом. Денщиков, не впервые переносящих генеральский скарб, поражала скромность обстановки министерских апартаментов и в то же время огромное количество книг, переносимых в кабинет хозяина. Сам министр домашними делами предпочел не заниматься, препоручив их сыну и, конечно же, супруге своей Елене Ивановне¹⁴.

¹³ Генералы от инфантерии, от кавалерии и от артиллерии назывались обобщенно – полный генерал.

¹⁴ В 1791 году Михаил Богданович женился на своей кузине, лифляндской дворянке Елене-Августе-Элеоноре фон Смит-

В такой непростой обстановке Михаилу Богдановичу пришлось приступить к решению главной задачи – реорганизации сухопутных сил Российской империи.

Здесь придется сделать небольшое отступление. Дело в том, что реорганизация вооруженных сил – явление необычное.

С совершенствованием средств вооруженной борьбы необходимо изменять тактику ведения боя, определять наиболее подходящую для этого организационную структуру войск, совершенствовать управление и снабжение армии, решать целый ряд других задач, дабы не оказаться в числе отстающих, коих непременно бьют (что и подтвердили первые две войны с Наполеоном).

Наиболее преуспел в реформировании вооруженных сил Петр I и последователи его фельдмаршал П. Румянцев и генералиссимус А. Суворов. Именно под их предводительством русская армия творила чудеса на полях сражений Европы.

Однако со временем многое из того, что было «зачато» Петром, стало «исчезать из обихода армии». Особый урон русская армия понесла от непредсказуемых волюнтаристских реформ дилетанта в военном деле Павла I, пытавшегося «переучить» русскую армию по прусским образцам, совершенно не отвечающим ни российскому менталитету, ни духу времени.

Парадокс павловских реформ состоял в том, что армия делала большой шаг не вперед, а назад, исповедуя отжившую к тому времени линейную тактику с плац-парадной муштрой. Менялись не только методы обучения, форма одежды, уставы, но и принципы воспитания, когда главным стало привитие солдату чувства страха наказания. Нововведения проводились в жизнь бесцеремонно, с лицемерной жестокостью и хладнокровием, с малой заботой о безопасности государства.

В семье Барклаев воспитывались три кузины Макса – Екатерина, Анна и Кристель, а также неродная Барклаям Каролина Гейфрейх. Все они были из семей не очень состоятельных, и Михаил Богданович как бы платил долг за то добро, каким пользовался он в юности, воспитываясь в доме Вермеленов.

В период реформирования вооруженных сил от службы было уволено свыше двух тысяч штаб- и обер-офицеров, более 300 генералов и 7 фельдмаршалов. В числе уволенных под предлогом «так как войны нет, то ему и делать нечего» оказался и Александр Васильевич Суворов.

Опасность такого реформирования состояла в том, что вакантные должности занимали офицеры, слабо подготовленные, не имевшие боевого опыта, преимущественно представители «школы Гатчинской». Главным в подборе военных кадров был принцип личной преданности, в чем немало преуспели «ковровые» генералы и полковники.

С воцарением Александра I, обещавшего править по заветам бабушки своей Екатерины II, павловские реформы были скорректированы. Была создана комиссия «для рассмотрения положения войск и устройства их», образованы военные министерства сухопутных сил и военно-морского флота, проведен целый ряд других мероприятий. Однако и учрежденной комиссии, и первому военному министру генералу от кавалерии С. К. Вязьмитинову, и сменившему его генералу от артиллерии А. А. Аракчееву проведение радикальной военной реформы оказалось непосильным.

Естественно, с приходом на пост нового военного министра у многих появилась надежда на изменение дел к лучшему.

Чтобы понять, в чем состояла суть проблемы, посмотрим на то, что представляла собой в ту пору русская армия.

тен. Отец невесты приходился ему дядей по матери. Венчание состоялось в лютеранской церкви Тарвисте близ Бекгофа. По отзывам современников, это была некрасивая полная женщина с обрюзгим лицом и маленькими карими глазками. Между тем отношения между супругами были великолепные. По мнению адъютанта В. Левенштерна, «Барклай был как ягненок, кроток во всем, что касалось жены». У них было несколько детей, но в живых остался только один Эрнэст Магнус Август, которого кратко называли Макс.

Состояла же она из пехоты, кавалерии, артиллерии и специальных войск. Пехота подразделялась на тяжелую (гренадерскую) и легкую (егерскую). Гренадерская пехота, имея ружье с трехгранным штыком, действовала обычно в линейном построении. Егеря, имея на вооружении легкие ружья, действовали, как правило, в рассыпном строю, были более маневренны и предпочтительны в связи с переходом к тактике колонн и рассыпного строя. Однако приверженность Павла I к линейной тактике привела к совершенно неоправданному сокращению егерских полков (в три раза).

Второе место по численности занимала кавалерия, которая также подразделялась на тяжелую (кирасиры, драгуны) и легкую (гусары, уланы и конные егеря). Кроме того, имелись гвардейская кавалерия и национальные полки. Значительным дополнением к регулярной кавалерии были иррегулярные казачьи формирования.

Наиболее дорогостоящим родом войск была артиллерия, которая подразделялась на полевую, осадную и крепостную.

Вся эта многоликая масса войск характеризовалась чрезмерной пестротой своей организации, различиями в методах управления, способах использования и приемах тактических действий.

Однако это была лишь первая часть реформаторской проблемы. Дело в том, что к началу XIX века действующая армия представляла собой не одну, а несколько полевых армий. Это было совершенно новым явлением в военном искусстве. Методов управления в сражении столь большим количеством войсковых соединений (именуемых ныне фронтом) теоретически разработано не было. Права и полномочия главнокомандующего такой массой войск не были определены. Наконец, для любого прогрессивно мыслящего военного специалиста была совершенно неприемлема идеология палочной дисциплины.

Начинать же надо было с решительного отхода от линейной тактики с возвратом к передовым тактическим румянцевско-суворовским приемам, к организации полевых сражений, к тактике колонн и рассыпного строя.

Как уже говорилось, попытки предшественников Барклая решить многотрудную проблему радикального реформирования сухопутных сил успеха не имели. Теперь, когда надвигавшаяся война все более заявляла о себе, решать эту задачу предстояло форсированным методом. К чести Барклая, реорганизация сухопутных сил России к началу Отечественной войны 1812 года была успешно завершена.

Были приняты оптимальные единые штаты гренадерских и егерских полков, бригад и дивизий. Аналогичная реорганизация была проведена и в кавалерии. Что же касается артиллерии, то вместо разнотипных рот, батарей и артиллерийских полков были созданы единообразные артиллерийские роты, батареи и бригады (вместо полков). Это позволило не только улучшить организационную структуру артиллерии, но и способствовало централизованному управлению и сосредоточению массированного артиллерийского огня на избранных направлениях.

Одновременно был завершен перевод пехоты на штатную корпусную организацию. Теперь командир корпуса имел в своем распоряжении три пехотных, одну кавалерийскую дивизии и артиллерийскую бригаду, то есть получил полную самостоятельность в решении тактических задач.

К этому времени были сформированы и кавалерийские корпуса, что давало возможность наиболее целесообразно использовать этот подвижный род войск. Была окончательно разработана и армейская структура. В аппарате командующего армией достойное место занял штаб как орган управления.

Наиважнейшей была и задача ликвидации несообразности в соотношении родов войск и видов инфантерии. При общем увеличении вооруженных сил задачу эту нельзя было упус-

коть из виду. За короткий период времени были сформированы 19 егерских, 27 пехотных, 13 кавалерийских полков и 41 артиллерийская батарея.

Пришлось решать и другие жизненно важные задачи, одной из которых была судьба интендантского корпуса армии. Дело в том, что в поражениях русской армии в двух первых войнах с наполеоновской Францией император (по наущению «отцов-командиров») обвинил интендантство! Самодержец лишил офицеров интендантского ведомства права ношения погон на военном мундире. Это была своеобразная пощечина интендантам, едва оправившимся от шоковых реорганизаций Павла I¹⁵. Назначенная Барклаем де Толли комиссия, тщательно исследовав проблему, пришла к неопровержимому выводу о невиновности интендантства в поражении русских войск. В этой связи военный министр обратился к императору с просьбой об отмене существующего рескрипта.

Александр I, не желая себя компрометировать, посоветовал военному министру решить все это полюбовно, то есть разрешить право ношения погон интендантскому корпусу своим устным распоряжением. Так, впервые в истории строительства российских вооруженных сил официальный рескрипт императора был «устранен» устным распоряжением военного министра!

Особо следует отметить значительный вклад Барклая де Толли в развитие российской военной теории. Как уже говорилось, в начале XIX века военная теория столкнулась с проблемой организации действий по руководству и управлению группировкой войск, состоящей из нескольких полевых армий. В те времена действия главнокомандующего столь крупной группировкой войск носили произвольный, не подкреплённый уставами характер.

Накануне отечественной войны в России (впервые в теории военного искусства) появился документ под названием «Учреждение по управлению Большой действующей армией»¹⁶, разработанный под непосредственным руководством военного министра. Согласно «Учреждению», главнокомандующий Большой действующей армией получал все необходимые права не только в отношении подчиненных ему войск, но и в отношении гражданских чинов на театре военных действий. Большая действующая армия получала в свое распоряжение тыловой район с его экономическим потенциалом и коммуникациями.

В распоряжении главнокомандующего находился главный штаб, в котором «соединялись все части полевого управления». Сам главнокомандующий назначался «высочайшим именным указом царя» из состава генералитета «по единому убеждению отличных способностей»¹⁷.

Важные изменения произошли и в высшем эшелоне военного управления. В том же 1812 году военное министерство сухопутных сил получило возможность непосредственного сношения с монархом (а не через военный департамент, как прежде), что упрощало решение вопросов и повышало авторитет военного ведомства и, к вящему неудовольствию Аракчеева, практически сужало полномочия департамента военных дел.

В этой связи злые языки говорили: «Аракчеев, выведший Барклая из ничтожества, думал управлять им как секретарем. Однако Барклай показал характер, которого Аракчеев не ожи-

¹⁵ Павел I для борьбы с воровством в русской армии в 1799 году заменил интендантский офицерский корпус армии гражданскими чиновниками. Он считал, что упрощение судопроизводства над провинившимися будет способствовать уменьшению казнокрадства. Результатом павловской реорганизации тыла стали его развал и увеличение краж в армии в два-три раза. С приходом к власти Александра I статус-кво интендантства был восстановлен.

¹⁶ Что явилось прообразом наставления по управлению войсками фронта.

¹⁷ И далее: «Главнокомандующий представляет лицо императора и облачается его властью». При этом при нахождении императора на театре войны верховная власть переходила к нему только после издания специального на то указа. В целом «Учреждение» обобщало боевой опыт, накопленный русской армией, упорядочивало управление войсками как по вертикали – от царя до младшего офицера, так и по горизонтали – между различными ведомствами и службами; устраняло ненужное дублирование приказов, повышало оперативность, четкость, ответственность во всех звеньях действующей армии. Это был выдающийся документ того времени.

дал. С самого начала он взял власть и могущество, которое Аракчеев думал себе навсегда присвоить, но ошибся».

Разумеется, военное реформаторство должно было быть завершено созданием соответствующих уставов и наставлений. Учрежденный еще в 1808 году комитет для сочинения уставов – пехотного, кавалерийского и артиллерийского – работал ни шатко ни валко. Энергичное вмешательство военного министра в деятельность комитета дало свои результаты. В 1812 году появился «Воинский устав пехотной службы», в коем излагались основы тактики ведения боя.

Что же касается кавалерии, то пришлось ограничиться «Предварительным постановлением о строевой кавалерийской службе». Артиллеристов выручил единомышленник Барклая, талантливый генерал-артиллерист Александр Иванович Кутайсов, написавший «Общие правила для артиллерии в полевом сражении». Наконец, перед самым началом войны вышел еще один примечательный документ военного ведомства – «Наставление господам пехотным офицерам в день сражения», где подробно говорилось о том, как надлежит действовать офицеру в зависимости от той или иной обстановки, содержались требования по поддержанию высокой боеспособности подчиненных, побуждались инициативные действия.

«Командир, – говорилось в нем, – не должен довольствоваться одной перестрелкой, но выискивать удобные случаи, чтобы ударить в штыки и пользоваться сим, не дожидаясь приказа». Настойчиво проводилась мысль об использовании новых тактических приемов. Здесь же рекомендовалось офицерам «не допускать излишеств в обучении солдат, а учить их более тому, что война требует».

В разделе «Как офицеру относиться к солдату» говорилось, что чем больше командир «в спокойное время был справедлив и ласков, тем больше на войне подчиненные будут стараться оправдать сии поступки и в глазах его один перед другим отличиться».

Впрочем, что касается отношений офицера с нижними чинами, то в одном из своих циркуляров, объясняя причины частых болезней и смертей в армии, Барклай указывал на «неумеренность в наказании, изнурение в учении сил человеческих и непопечении о свежей пище». И уж совсем в пику Аракчееву обращает внимание: «на закоренелое в войсках наших обыкновение: всю науку, дисциплину и воинский порядок основывать на телесном и жестоком наказании, были даже примеры, что офицеры обращались с солдатами бессердечно, не полагая в них ни чувства, ни разума, хотя с давнего времени мало-помалу такое зверское обхождение переменилось, но и поныне еще часто за малые ошибки весьма строго наказывают».

Нетрудно заметить, что положения наставления, как и циркуляры Барклая, отражали передовые взгляды на военное дело предшественников его, от Петра I до Суворова.

Одновременно с созданием нового Барклай столь же решительно боролся с отжившим, старым. Был ликвидирован ряд крепостей на северо-западе и юге, оказавшихся в глубоком тылу, личный состав их и вооружение были переданы на усиление западных рубежей.

В целом в результате реформы и проведенных рекрутских наборов численность вооруженных сил к лету 1812 года увеличилась более чем в два раза и вместе с иррегулярными войсками достигла 1275000 человек. При этом немало улучшился качественный состав младших чинов. По настоянию военного министра указом императора «за поставку некачественных новобранцев с виновных взимался штраф в сумме 50 рублей».

Что касается личной жизни Михаила Богдановича, то история, к сожалению, мало сохранила сведений об этом. Известно лишь то, что семья его вместе с кухнями была большой, любимицей семьи и Михаила Богдановича была кухня Кристель. Жили небогато, но дружно. Елена Ивановна все семейные хлопоты взяла на себя, окружив мужа постоянной заботой и вниманием. В ту же пору в Петербурге с семьей жил и старший брат, полковник-инженер Иван Барклай де Толли¹⁸. Он, его жена, их сын Андреас (начавший служить в Министерстве ино-

¹⁸ Так нарек себя по-русски старший брат Эрих Иоганн, между прочим, оказавший огромную помощь военному министру

странных дел, но вскоре прикомандированный к своему дяде, военному министру) были всегда в доме Барклая.

На лето семья Барклаев выезжала в имение Бекгоф, которое Елена Ивановна выкупила у своего брата Густава Смиттена в 1810 году за 65 тысяч рублей ассигнациями.

И все же не все армейские проблемы удалось решить в одночасье. Причиной тому были не только сопротивление определенной части генералитета и чиновного люда, ограниченность времени, сложная бюрократическая система, но и отсутствие должного опыта «царедворца» и, конечно же, прямолинейный, независимый и в некоторой степени замкнутый характер Барклая.

Неслучайно Александр Сергеевич Пушкин писал о Барклае де Толли: «Внезапно, получив звание военного министра, он не только возбудил против себя зависть, но приобрел много неприятелей.

Неловкий у двора, он не расположил к себе людей к государю близких, холодностью в общении не снискал приязни равных, не сделал приверженными к себе подчиненных.

Скорый на введение новых постановлений, строгий в обличении недостатков прежних, он вызвал злобу сильного своего предместника¹⁹, который малейшую из его погрешностей выставлял в невыгодном для него свете.

Чрезмеру недоверчив, иногда доверчив до чрезвычайности, все мнил наполнить собою».

Было и такое. Однако никто не может отрицать огромных заслуг генерала от инфантерии Михаила Богдановича Барклая де Толли – активного и целеустремленного реформатора подготовившего русскую армию к Отечественной войне 1812 года. То, чего предшественникам его не удалось сделать за десятилетие, им решено было за два года. За полезную и деятельную службу по реорганизации русской армии мундир военного министра украсился очередным орденом Святого Владимира.

в составлении топографических карт театра военных действий.

¹⁹ Речь идет об Аракчееве.

Глава II «Поручаю вам мою армию»

*Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали.*

М. Ю. Лермонтов

21 апреля 1812 года в два часа пополудни, после торжественного богослужения, император Александр I покинул столицу. Петербуржцы с нескрываемым любопытством и тревогой смотрели на царскую кавалькаду, отправляющуюся невесть куда.

Домысли были разные. Одно было ясно: это не увеселительная прогулка монарха. Слишком уж много было среди верховых и в каретах офицерских да генеральских чинов. Не на войну ли? Дай-то бог, чтобы все обошлось маневрами.

Те же, кто внимательно следил за событиями, за тем, как складывались отношения России с Францией, предполагали самое худшее. Оснований к тому было предостаточно. Ведь совсем недавно покинул столицу военный министр Барклай де Толли. Известно, что ныне, не оставляя министерского поста, командует он 1-й Западной армией. К тому же, начиная с отъезда Барклая, отнюдь не в парадной, а все в той же походной форме, от Нарвской заставы уходили и уходили на запад один за другим полки.

Вслед за стройными колоннами войск уныло тянулись экипажи провожающих. Те, кто не имел, толкались здесь же на тротуаре, стараясь протиснуться поближе к проезжей части, и последний поцелуй, последний перстовый крест, последний взмах рукой, последний прощальный взгляд выражали любовь и тоску по ушедшему.

Действительно, а что, если война? Возвращались снова к этой теме. «Кто возглавит армию против столь грозного Наполеона? Ведь события недавних лет показали, что шутки с Бонапартом плохи. На что уж хитер в военном деле Михаил Кутузов, и то потерпел конфузию под Аустерлицем!» – «Да полноте, – возражали другие, – разбил же он ныне турок. Да не только разбил, уступая в силах, но и вынудил Порту подписать выгодный для России мир. А что касается Аустерлица, то виноват в том совсем не он, а его монаршая милость. Вот только что будет делать наш обожаемый монарх, если очередная встреча его с нареченным братом Бонапарте состоится не на плоту посередине Немана (как в прошлый раз), а снова на поле брани? Поди, ретируется опять, как под Аустерлицем, подхватив медвежью болезнь по дороге, а потом за храбрость, проявленную в борьбе с оной, получит очередного Георгия!»²⁰

«Сможет ли послушник Барклай постоять за себя и за армию?»

Да только ли в этом дело! Главное в том, насколько Россия-матушка готова к предстоящей войне. Каковы силы, собранные на западной границе? Кто будет союзниками в войне? Как она, эта война, мыслится? Что станет с имениями в западных губерниях? Словом, вопросов было больше, чем ответов.

Ну а все же – если война? Все упования на Барклая? Почему же только на него? Командует же 2-й Западной армией бесстрашный Петр Иванович Багратион!

Досужие разговоры эти велись постоянно в Петербурге весной 1812 года.

Однако не лучше ли посмотреть на истинное положение дел. Ситуация же была такова.

Действительно, вскоре после отъезда из Петербурга Барклай де Толли вступил в командование 1-й Западной армией. Вслед за ним, оставив снимаемую в Петербурге квартиру, выехала в Вильно и супруга его Елена Ивановна.

²⁰ Речь идет о бегстве Александра I с поля Аустерлицкого сражения и получении им за этот «подвиг» высшей воинской награды – ордена Святого Георгия IV класса.

Главная цель приезда военного министра в западные военные инспекции²¹ состояла в подготовке войск в приграничной полосе к предстоящей войне с наполеоновской Францией. Ему вменялось в обязанность приведение их в боевую готовность с доукомплектованием нижними чинами и офицерским составом, а также вооружением, боеприпасами, провиантом и фуражом. Надлежало также привести в надлежащий вид оборонные сооружения, отрекогносцировать местность, определить оптимальную группировку войск на случай войны.

Трудности при этом состояли в крайне неблагоприятной обстановке, в коей оказалась Россия в ту пору.

Вследствие непрерывных войн в начале века ресурсы страны были истощены. Несмотря на успешный выход из войн на северном и южном флангах (против Швеции и Турции), осуществить перегруппировку войск на западное стратегическое направление за неимением времени было невозможно.

Ситуация осложнялась и неопределенностью положения военного министра, права которого по принятию важных решений были ограничены, а попросту говоря, принадлежали монарху, приезда которого Барклай и ожидал теперь с нетерпением.

Тем временем жизнь в столичном Петербурге шла своим чередом. В газетах много писалось, а в народе – говорилось об открывшемся Казанском соборе. По освобождении храма от строительных лесов, а прилегающей территории – от строительного хлама взору петербуржцев предстал великолепной архитектуры ансамбль, созданный «из продуктов земли русской» руками православных людей по проекту русского зодчего Андрея Воронихина. Все, что было лучшим в ту пору на Руси, обращено было на строительство кафедрального храма православия. «И скупую суровую почву севера люди превратили в камень, то мягкий, как мел, то твердый, как скала, то красочный, как радуга... Добавив сюда железо, бронзу, серебро и золото, они превратили все это в русскую сказку».

Петербургжцы с восхищением взирали на колоннаду – полуобъятия, обращенные к Невскому проспекту, совершенно не подозревая, что вскоре храм сей превратится в пантеон русской военной славы и станет центром по мобилизации духовных сил нации для борьбы с наполеоновским нашествием.

Между тем война неумолимо приближалась к границам государства. Еще по вступлении в должность военного министра Барклай обеспокоенно читал донесения русского посла в Париже: «Теперь уже не может оставаться никакого сомнения, – писал он, – что в мыслях Наполеона эта война окончательно решена. Но он отсрочивает только ее начало, потому что не совсем еще к ней приуготовлен».

Форсируя подготовку к войне, Наполеон рассылает своим подопечным (союзникам по коалиции) «Перечень обид, нанесенных Россией Франции», проводит военную мобилизацию, требует от Австрии выставить сорок, а от Пруссии двадцать тысяч солдат.

Весной 1812 года через Пруссию и Польшу потянулись к границам России армады наполеоновских полчищ.

Мог ли всего этого не замечать военный министр? Ответ на этот вопрос дает одно из первых донесений его императору. «Россия, – говорилось в нем, – единственно на западной границе, где должна будет для существования своего вести кровопролитную войну, менее всего приуготовлена к надежной обороне».

Теперь, когда война застучала в ворота России, все, кто осознал это, стали придирчиво оценивать деятельность Барклая на министерском посту. Разумеется, возлагать всю полноту ответственности на него было бы неправильно, тем более что ни достаточным временем, ни

²¹ Военные инспекции – военно-административное деление территории царской России, предшествующее военным округам.

полномочиями для этого он не располагал. Однако и сбрасывать со счетов содеянное им было бы тоже нельзя.

Действительно, в короткие сроки была проведена реорганизация армии, введены новые уставы и наставления, принято «Учреждение для управления Большой действующей армией», Россия достойно вышла из войны со Швецией и Турцией (в результате Наполеон лишился двух важных для него союзников).

Однако произошло все это с явным опозданием, что особенно наглядным было для южного фланга, где Порты Оттоманская была уведена Кутузовым «из-под носа Наполеона», буквально перед самым началом войны. Наполеон, обескураженный таким пассажем, был вне себя от ярости. Истратив весь запас французских ругательств, он воскликнул: «Турки дорого заплатят за свою ошибку! Она так велика, что я и предвидеть ее не мог».

Вместе с тем надежды России на создание новой антифранцузской коалиции не оправдались. Разработанный план совместного ведения войны с участием Пруссии, Польши и Швеции оказался несостоятельным. Пруссия, изменив военной конвенции 1811 года, вслед за Австрией вступила в военный союз с Наполеоном. Сложной оказалась обстановка и в герцогстве Варшавском. Желая заполучить польское «пушечное мясо», Наполеон не скупился на обещания. Польская шляхта, замороженная посулами Бонапарта, склонилась на его сторону.

Правда, весной 1812 года удалось все же привлечь в военный союз Англию и Швецию, однако рассчитывать на скорую действенную помощь с их стороны не приходилось. Такой сложной оказалась для России международная обстановка.

Разумеется, военные круги беспокоило и многое другое, о чем простые смертные не подозревали.

Действительно, коль скоро предстоит вступление в войну, то необходима тщательная подготовка театра военных действий, то есть подготовка оборонительных сооружений, коммуникаций, определение группировок войск, создание запасов материальных средств, наконец, разработка плана войны.

Последнее было особенно важным. Несмотря на представление монарху нескольких вариантов ведения войны, самодержец не поставил ни на одном из них своей подписи. Кажется бы, с одним вариантом (разработанным Барклаем)²² царь согласился. Но – увы! Будучи верным себе, Александр I не отказался при этом и от плана Фуля!

Сам иностранец по происхождению, Михаил Богданович к этому выскочке Фулю относился весьма неприязненно (если не сказать брезгливо).

Полковник прусской армии Карл Людвиг Август фон Фуль, отлично знавший теорию военного искусства «до первого выстрела», утверждавший, что «не бой – маневр решает исход сражения», после Иенской битвы (где в 1806 году прусская армия потерпела сокрушительное поражение от Наполеона) оказался на русской военной службе.

Снискавший доверенность, кою весьма легко достигали иноземцы, он вскоре стал генералом – наставником русского царя по вопросам военной стратегии. Этот чванливый догматик, прозванный русскими офицерами «помесью рака с зайцем», не знавший ни России, ни ее обычаев, ни русской армии, ни русского языка²³, брал на себя ответственность за разработку плана войны против самого Наполеона!

По плану Фуля предполагалось, что на первом этапе войны 1-я Западная армия отойдет под натиском врага в Дрисский укрепленный лагерь. Вторая же армия будет действовать во фланг и тыл противника, заставив, таким образом, вести борьбу в сложных условиях полуокружения его главных сил.

²² С глубоким отступлением войск.

²³ Любопытно, что за шесть лет пребывания в России К. Фуль не выучил ни одного русского слова, тогда как его денщик, малограмотный Федор Владыко за это же время научился бойко изъясняться с хозяином на немецком.

Недостаток плана Фуля был более чем очевиден. Он не предусматривал возможности рассеяния русских армий и уничтожения каждой из них порознь. Впрочем, и этот далеко не идеальный план утвержден императором тоже не был.

Нерешительность царя, разноречивые во мнениях серьезно затрудняли действия военного министра по созданию группировки войск. Вот почему сразу по прибытии в Вильно Барклай доносил самодержцу: «Необходимо начальникам армий и корпусов иметь начертанные планы их операций, которых они по сие время не имеют».

Ответ царя на это послание был похож на проповедь священнослужителя: «Прошу Вас, не робейте перед затруднениями. Полагаюсь на провидение божие и его правосудие».

Казалось бы, единственным утешением было состояние оборонительных сооружений.

Незадолго до своего отъезда в войска Барклай читал донесение генерала инженерных войск К. Оппермана. «Из сего генерального моего донесения, – писал тот, – следует, с каким большим успехом в нынешнем году фортификационные работы произведены были, и летопись российской фортификации доказывает, что, окромя во время государя Петра Великого, никогда в одном году столь обширные инженерные работы предпринимаемы и произведены не были».

Однако восторженный тон немца-служаки мало отражал действительность. По следованию своим в армию Барклай увидел совсем иную картину. К марту 1812 года были возведены лишь предмостные укрепления у Динабурга и Бобруйска, начато строительство таковых у Борисова да совершенствовались укрепления Риги и Киева. Исключение составляло лишь детище царя – Дрисский лагерь, работы по сооружению которого велись вполне успешно. Словом, знакомство с оборонительными сооружениями оставило тягостное впечатление.

Наскоро созданные полевые укрепления и наспех отремонтированные крепости ни опорным пунктом для войск, ни сколь-нибудь серьезным препятствием на пути неприятеля не являлись. К тому же гарнизоны крепостей были малочисленны, а орудий и припасов не хватало. Неслучайно Наполеон, осведомленный о состоянии оборонных сооружений России, связывал: «Хорошее сражение окажется лучше, чем благие намерения моего друга Александра и его укрепления, возведенные на песке».

Не меньшее беспокойство у военного министра вызывали и вопросы создания необходимых запасов материальных средств. Благодаря огромным усилиям к весне двенадцатого года на рубеже рек Западной Двины, Березины и Днепра была развернута сеть главных магазинов²⁴ с запасами продовольствия и фуража. Западнее главных создавались расходные магазины, а восточнее – запасные депо.

К началу войны в них имелось более 350 тысяч пудов муки, 33 тысяч пудов крупы и почти 470 тысяч пудов овса, что обеспечивало шестимесячную потребность 250-тысячной армии. Было ясно, что запасы эти недостаточны, поскольку армию надо будет создавать гораздо большую по численности, да и война, судя по всему, должна стать более продолжительной.

Там же, в треугольнике Березина – Двина – Днепр, были размещены и артиллерийские парки²⁵. В главных арсеналах страны имелось 175928 ружей пехотных, кирасирских, драгунских и карабинов гусарских, чего для обеспечения многочисленной армии было недостаточно. При этом огнестрельное оружие было весьма разномастным, представленное 28 различными калибрами. Обеспечить действующую армию таким разнообразием боеприпасов было трудно.

Наконец, несмотря на дополнительные рекрутские наборы, создать армию, равную по численности французской, не удалось.

Если к сказанному добавить, что в приграничных военных инспекциях следовало незамедлительно произвести ряд важных перемещений командного состава и столь же незамедли-

²⁴ Магазины – склады с запасами материальных средств.

²⁵ Артиллерийские парки – склады с запасами пороха, снарядов, патронов и другого артиллерийского имущества.

тельно решить вопрос о главнокомандующем на театре войны, то станет понятно, почему в западных армиях приезда императора ожидали с нетерпением бóльшим, нежели приход православной Пасхи.

Как бы там ни было, а военный министр, совершая «турне» в западные военные инспекции, ближе познакомился с вверенными ему войсками, проинспектировал гарнизон Риги (побывав здесь же у двоюродного брата Августа Барклая де Толли) и 11 апреля прибыл в Вильно.

Вернемся, однако, снова в столицу государства российского, в коей скорый отъезд военного министра и государя вызвал немалый переполох в иностранных ведомствах и особенно в посольстве Франции.

Прибывшего на аудиенцию французского посла Ж. Лористона российский министр иностранных дел граф Николай Петрович Румянцев²⁶ усердно убеждал в том, что «убытие сих важных персон вызвано необходимостью присутствия оных на больших маневрах войск». Более того, присутствие императора имеет цель предотвратить какое-либо движение войск, которое могло бы вызвать разрыв отношений и вооруженный конфликт.

Он же выказывал большую озабоченность России в связи с сосредоточением значительного количества французских войск на ее границе, «дабы не произошло какого-либо столкновения, могущего явиться поводом к войне». Лористон, проглотив сие замечание, постарался обратить внимание на другое. Делая красивую мину при плохой игре, он упрекал графа в том, что, несмотря на предыдущую договоренность и настойчивые приглашения, никто из столичных офицеров не хочет посещать балы и приемы во французском посольстве. Более того, петербургская знать прекратила посещение тех домов, в кои был вхож французский посланник.

Предвосхищая дальнейшие слова Лористона, хозяин приема высказал ему искреннее сожаление по поводу хулиганского поведения петербургской публики, усердно забрасывающей камнями французское посольство, особенно же ту часть здания, через окна которой хорошо виден был бюст Наполеона. Что делать! Такой уж русский характер! Поражение в двух наполеоновских войнах и унижительный Тильзитский мир бередили души русских патриотов.

Однако вернемся к настойчивым и лицемерным просьбам Лористона, «страстно жаждущего» видеть русских офицеров на приемах во французском посольстве. Желание его к общению с офицерами столичного гарнизона объяснялось другим.

Дело в том, что Наполеон был взбешен успехами русской военной разведки, учрежденной Барклаем де Толли при генеральном штабе русской армии.

Резидент ее в Париже, красавец полковник Александр Чернышев, завсегдагай парижских балов и салонов, один из фаворитов высшего света (бывал гостем в доме Наполеона), подкупил капитана Мишеля (ведавшего секретным деломпроизводством генерального штаба), который оперативно снимал копии со всех документов по подготовке французской армии к войне против России и столь же оперативно передавал их Чернышеву.

В результате в руках Барклая де Толли оказался мобилизационный план Франции и ее союзников по антирусской коалиции, «секретнейший и наиважнейший документ, в котором хранилось военное счастье Франции».

Напав на след русской военной разведки, тайная полиция Франции любимыми способами пыталась выведать степень раскритичности военных планов.

Если к сказанному добавить, что у предшественника Лористона (французского посла в Петербурге А. Нарбонна) была выкрадена шкатулка, тоже с секретными планами подготовки Наполеона к войне, то гнев Наполеона и назойливые приглашения Лористона понять было нетрудно. Когда как не во время пьяного застолья развязываются языки у захмелевших!

И снова вернемся на поле предстоящей брани.

²⁶ Он же председатель Государственного совета.

Конечно, скрыть приезд русского царя в Вильно оказалось невозможно, так же как и приезд французского императора в Ковно. Впрочем, Наполеон особого секрета из своего «путешествия» и не делал. Города вассальной Европы встречали появление его фейерверками, балами да приемами. В тот момент его более всего занимала мысль, удастся ли завершить сосредоточение 600-тысячной группировки войск на границе с Россией. Не предпримет ли Россия упреждающих мер? Не начнет ли громить подходящие войска по частям? Конечно, рассудительный и осторожный Барклай вряд ли пойдет на такое. Но! Там же находился и стремительный Багратион, имевший большое влияние на монарха²⁷.

Дабы избежать столь неудачного оборота, Наполеон посылает к русскому царю своего дипломата (того же А. Нарбонна), который уверениями о мире и дружбе должен был притупить бдительность русского царя. Ему же вменялось, если возможно, разведать состояние русской армии.

Предвидя все это, Барклай окружил прибывшего Нарбонна своими агентами, кои в период встречи его с царем снова вскрыли шкатулку Нарбонна и ознакомились с инструкцией Наполеона, в которой говорилось:

- узнать число войск; кто командует ими и каковы они; каков дух в войсках и каково расположение жителей; нет ли кого из женщин, особенно в окружении царя;

- знать расположение духа самого монарха;

- свести знакомства с его окружением.

Вместе с тем по приезде императора в Вильно начались сплетни, интриги, навязывание сумасбродных планов предстоящей войны.

«Главкомандующий Барклай де Толли, – писал в этой связи виленский губернатор Леванский, – человек честный, благородный и холодный, часто приходил от того в отчаяние... проекты за проектами, планы и распоряжения, противоречивые друг другу, сыпались как из рога изобилия. Все это, сопряженное с завистью и клеветой, нарушало спокойствие главнокомандующего, отзывалось на его подчиненных». И далее: «Но Барклай непоколебимо продолжал свои распоряжения с той же настойчивостью. Дивиться надобно твердости характера сего полководца».

Было и другое. С приездом императора и увеличением в Вильно наиболее привилегированного сословия гвардейских офицеров участились пьянки и кутежи. Шел сбор «пожертвованный» на строительство специального зала на банкет в честь монарха. Стоимость билета на сие благотворительное увеселение доходила аж до 100 рублей! Вильно впал в такую беспечность, словно неприятель был за несколько тысяч верст.

Надо отдать должное французской разведке. Крыша банкетного зала, построенного архитектором немцем Шульцем, должна была рухнуть во время банкета на офицерские и генеральские головы, не исключая и головы самодержца. Однако русскому офицерству на сей раз повезло. Видно, немец-архитектор переусердствовал. Крыша рухнула сразу же после его побега. Все были рады такому обороту, но сходились в том, что это плохое предзнаменование.

Конечно же, не обошлось без парадов и традиционных смотров войск, на двух из коих (несмотря на сопротивление Барклая и русского генералитета) присутствовал посланник Наполеона небезызвестный Нарбонн.

«Меня удивляло, – писал по сему поводу государственный секретарь А. Шишков, – что присланному от Наполеона генералу показывают ученья наших войск. На что это? Затем ли, чтобы сделать ему честь?»

²⁷ Справедливости ради надо заметить, что именно такой план войны и предлагал Багратион – разгром по частям подходящих французских войск.

Выказывая любовь к солдафонщине, император и пасхальное богослужение превратил в вахт-парадное действо, усердно репетируя «явление царя народу» с привлечением церковного хора и военного оркестра.

Если к сказанному присовокупить различные непродуманные действия и скоропалительные перемещения должностных лиц, то Вильно накануне войны, по словам современников, напоминал салтыковскую «историю одного города» с великолепным русским головопятиством.

Ну и что же Барклай в период этой всеобщей эйфории?

Многие, читая сообщения из Вильно, удивлены были тем, что, несмотря на очевидность скорой войны, военного министра сопровождает в Вильно его жена!

Впрочем, многие и оправдывали Елену Ивановну, утверждая, что ей к сопровождению мужа в походах не привыкать. Если уж жена Кутузова, при пятерых дочерях, сопровождала часто его в походах, то жене Барклая при единственном взрослом сыне «сам бог это делать велел». Одновременно сходились все на том, что присутствие ее «не придавало приятности дому Барклаев, так же как и собственный характер этого достойного и благородного генерала мало был по наружным изъявлениям привлекателен».

Другое дело «краса русских войск» князь Багратион, с его орлиной внешностью, метким словом, веселым нравом, с открытой и пылкой душой, но все склонялись к тому, что «если бы Багратион имел ту же степень образованности, какую Барклай, то, без сомненья, сей последний не мог бы идти в сравнение с оным».

Конечно, по прибытии монарха в армию Барклаю удалось решить некоторые из срочных дел. Все были довольны тем, что начальник штаба 1-й Западной армии, нервный, шумный, не знавший ни одного слова по-русски итальянец маркиз Филиппо Паулуччи²⁸ заменен был генералом А. П. Ермоловым.

Алексей Петрович Ермолов был личностью неординарной. Службу свою начал еще при Суворове. При Павле, как и многие, оказался в опале (за связь с кружком «вольнодумцев» был арестован и выслан из Москвы). Из ссылки возвращен был благодаря хлопотам большого друга своего Петра Ивановича Багратиона. Ермолов отличался и выразительной богатырской внешностью. Авторитет его в армии был огромен. Смущало, однако, Барклая одно немаловажное обстоятельство – нескрываемая неприязнь Ермолова к иностранцам, к коим некоторое отношение имел и сам Барклай.

На должность генерал-квартирмейстера штаба (вместо хорошего чертежника генерала С. Мухина) был определен молодой, весьма образованный Карл Толь, «полковник с отменно хорошими дарованиями. Трудолюбивый и смелый, однако весьма трудный в обращении со старшими, но приятен с подчиненными».

Не меньший интерес в штабе представляла и личность «дежурного генерала», полковника Семена Христофоровича Ставракова. Простолюдин Ставраков, замеченный еще Суворовым, прошел тернистый путь от солдата до генеральского чина. Именно Ставраков сопровождал Суворова во всех его походах. А когда Суворов уволен был от армии, Ставраков, не имея за душой ни состояния, ни единого крепостного, тоже вышел в отставку. Именно он переписывал начисто суворовскую «Науку побеждать»²⁹. Странно, но этот трудолюбивый, исключительно прилежный и исполнительный человек пришелся не по душе новому начальнику штаба. Однако сколько ни старался Ермолов избавиться от Ставракова, Барклай оставил его «в неприкосновенности».

²⁸ В адрес Паулуччи генерал А. И. Остерман-Толстой в свое время съязвил: «Для вас Россия – мундир. Вы его надели и снимете, когда хотите, а для меня Россия – кожа!»

²⁹ Оставаясь верным Александру Васильевичу Суворову, именно Ставраков привезет смертельно больного Суворова в Петербург и будет присутствовать при его кончине. Он же будет присутствовать при смерти Кутузова и привезет его прах в Петербург.

Из доклада вернувшегося к Наполеону Нарбонна следовало, что Россия войны не желает, однако полна решимости сопротивляться, даже если отступить придется «аж до Камчатки». Именно тогда якобы русский царь произнес: «Я не обнажу шпагу первым, но зато последним вложу ее в ножны».

Разумеется, все это изрядно разрушало созданный Наполеоном миф об известной агрессивности России, но не меняло его твердых намерений к войне. Как бы там ни было, но обстоятельства последнего этапа подготовки к войне складывались для него благополучно.

К середине июня Великая армия была готова к претворению плана по покорению России в жизнь. Суть сего плана состояла в том, чтобы стремительным выходом к Вильно рассечь русские силы, перекрыть им коммуникации и осуществить полный разгром их в приграничной зоне, до отхода за рубеж рек Западная Двина – Днепр.

Успех первого этапа войны должен был создать предпосылки к стремительному продвижению в глубь страны и победоносному завершению кампании до наступления зимы.

С учетом стратегического замысла были созданы три группировки войск для действий на петербургском, московском и киевском направлениях.

«Если я займу Киев, – говорил Наполеон, – я возьму Россию за ноги, если займу Петербург – я возьму ее за голову. Заняв Москву, я поражу ее в сердце». Сюда и наносился главный удар³⁰.

Группировками командовали сам император, приемный сын Наполеона Евгений Богарне и его младший брат Жером Бонапарт.

Обеспечение правого фланга возлагалось на австрийский корпус К. Шварценберга, левого крыла – на франко-прусский корпус Ж. Макдональда. Второй эшелон представляли войска маршала П. Ожеро, там же обретался и резерв. Общее руководство на театре войны осуществлял Наполеон.

При общей численности французской армии в 1,2 миллиона человек половину ее составляла Великая армия, сосредоточенная на границе с Россией в полосе шириной в 300 километров.

Добавим к сказанному великолепную осведомленность Наполеона о дислокации русских войск. В документах, взятых у противника в ходе войны, обнаружено было расписание русских войск и списки начальников. Кстати, в шкатулке, похищенной у того же Нарбонна, было обнаружено досье на 60 русских генералов с полной характеристикой их деловых качеств.

И вообще Наполеон к войне всегда готовился обстоятельно. Россия в этом отношении исключения не составляла. Еще задолго до войны в Смоленске, Могилеве, Минске и других местах под видом фокусников, комедиантов, учителей, художников, лекарей, музыкантов, странствующих монахов появились французские шпионы. Особо опасны были так называемые

³⁰ Проводя историческую параллель с гитлеровским планом войны против СССР «Барбаросса», нетрудно заметить общность планов Гитлера и Наполеона. Действительно, то же достижение цели стратегической внезапности, с созданием группировки войск, то же создание группировок войск по трем стратегическим направлениям, то же направление сосредоточения главных усилий, то же стремление уничтожить силы приграничных войск до отхода их за рубеж Западная Двина – Днепр, то же желание закончить войну до наступления зимы. И еще одно сходство. Наполеон, великолепно осведомленный о расположении русских складов с запасами материальных средств, планировал захватить продовольствие и фураж для снабжения своей армии. Гитлер, зная расположение советских складов со стратегическими запасами материальных средств, также планировал захватить продовольствие, фураж и топливо для обеспечения своих войск. Наконец, еще два любопытных примера. И Гитлер и Наполеон для оправдания превентивного характера войны использовали один и тот же документ – фальшивку, подметное письмо Петра I, якобы завещавшего россиянам завоевать всю Европу. И наконец, схожесть участия генералов, действовавших на направлении главного удара противника. И Барклай де Толли, рассчитываясь за «грехи» императора, и генерал Павлов, рассчитываясь за самонадеянность генсека, были отстранены от командования войсками, с той лишь разницей, что если Барклай де Толли смог реабилитировать себя, возглавив русскую армию после смерти Кутузова и победоносно доведя ее до Парижа, то Павлов ничего подобного сделать не мог, поскольку был расстрелян. Сходство немецкого и французского планов войны не было случайным. Гитлер, давая распоряжение генеральному штабу на разработку плана войны против СССР, потребовал детального изучения наполеоновского плана войны 1812 года против России. Генеральный штаб фашистской Германии с немецкой дотошностью изучил наполеоновский план войны и с немецкой пунктуальностью во многом повторил его.

землемеры, которые тайно занимались съемкой местности для подготовки топографических карт и характеристик дорожной сети.

Под подозрением русской контрразведки оказались и некоторые из чиновников. Более того, Наполеон предпринял попытку подрыва и финансового состояния России. Весной 1812 года в местечковых синагогах раввины передавали своим «верным» прихожанам (для дальнейшего распространения) фальшивые ассигнации Российского государственного банка, полученные ими через французских банкиров (евреев).

Вернемся, однако, снова в столицу государства российского, просвещенную публику коей занимал вопрос, что заставляет Наполеона идти войной на матушку-Русь.

Домыслы были разные. Одни полагали, что война неминуема из-за оскорбления, нанесенного Наполеону монаршей фамилией. Действительно, пожелавший породниться с царским двором был Наполеон оскорблен в лучших своих намерениях. Ответ великой княжны Екатерины Павловны: «Я скорей пойду замуж за последнего русского истопника, чем за этого корсиканца» не был секретом для Европы. И надо же такому случиться: вышла-таки за Георга Ольденбургского, о коем писал Наполеону Коленкур: «Принц безобразен, жалок, весь в прыщах, с трудом изъясняется».

Но Наполеон не был бы Наполеоном, не будь он столь напорист. Однако и вторая попытка его стать зятем русского царя оказалась безуспешной. Александр I «любезнейшим образом уклонился от положительного ответа выдать замуж свою вторую сестру Анну Павловну»³¹.

Разумеется, последовавшая после сих пассажей женитьба Наполеона на австрийской принцессе Марии-Луизе существенно изменила ситуацию в Европе в худшую для России сторону. К тому же Наполеон не остался в долгу перед царским двором. Вскоре он довольно бесцеремонным образом лишил владений принцев Ольденбургских – Петра (дядю Александра I) и его сына Георга (двоюродного брата и зятя Александра I), что не могло не обострить отношения императорских домов.

Другие полагали войну Наполеона против России превентивной, дабы Россия, используя свое могущество, не разрушила созданную Бонапартом «Европейскую империю». Думается, что Наполеон имел к тому немалые основания. Действительно, русское самодержавие не теряло надежды на восстановление свергнутых в Европе монархических режимов. Однако пока русский царизм размышлял над этим, Наполеон совершил нападение.

Были и утверждения о том, что война – это следствие вынужденной для России так называемой континентальной блокады Англии. В то же время многим казалось, что войну Наполеон начинает ради удовлетворения своих честолюбивых амбиций:

Весь мир осуществить Парижем,
В Париже воплотить весь мир.

Наконец, были и разговоры, затрагивавшие честолюбие царя и военного министра.

Многие из ветеранов екатерининских времен утверждали, что русская армия, потерпев ряд поражений, сама дала повод для нападения. К тому же кто стоит ныне во главе вооруженных сил? Император да военный министр, далеко не искушенные в ведении войны в столь крупных масштабах. Вряд ли в суворовские времена Наполеон осмелился бы на такое.

Между тем истинная причина войны состояла в агрессивной политике буржуазной Франции, для которой Россия была не только костью в горле в проведении захватнической политики, но и страной с огромными материальными и людскими ресурсами.

³¹ Небезынтересно заметить, что, находясь уже в ссылке на острове Святой Елены, Наполеон уверял, что он и поныне сидел бы на французском престоле, если бы ему удалось породниться с царской семьей.

Что же касается некоторой части прогрессивно настроенного населения, надеявшегося на буржуазное социально-экономическое переустройство России, то Наполеон и мысли не допускал об этом. Послевоенное устройство России он предполагал не только с сохранением феодализма, но и с разделением страны.

Эти планы во многом совпадали с планами того же Гитлера. Вот лишь некоторые примеры сходства. Наполеон: «Мы разобьем Россию на прежние удельные княжества и погрузим ее обратно во тьму феодальной Московии, чтобы Европа впредь брезгливо смотрела в сторону ее».

Геббельс: «Тенденция такова. Не допустить больше существования на востоке гигантской империи». В этой связи политическим руководством фашистской Германии был разработан план «Ост» – послевоенного устройства разгромленного СССР.

В отличие от планов Наполеона гитлеровский план предусматривал жесткое разделение Советского Союза на отдельные самостоятельные государства³².

Вернемся, однако, снова в стан русского воинства, посмотрим, насколько военный министр преуспел в подготовке войск приграничных военных инспекций к предстоящей войне.

По мнению очевидцев, Барклай де Толли времени зря не терял. Энергичный, требовательный, пунктуальный, он педантично готовил войска к предстоящим баталиям. Вместе с тем, как уже говорилось, положение России к началу войны оказалось довольно сложным. К тому же, несмотря на приезд императора, изменить радикально обстановку Барклаю не удалось. В результате Наполеону противостояла группировка русских войск численностью лишь в 220 тысяч человек³³.

Организационно она состояла из трех армий. 1-я Западная под командованием генерала от инфантерии Барклая де Толли располагалась к востоку и к западу от Вильно в полосе 200 километров. 2-й Западной армией командовал генерал от инфантерии Петр Иванович Багра-тион. Армия занимала полосу от Лиды до Волковыска. Левый фланг и путь на юг прикрывала 3-я Западная армия – генерала от кавалерии Александра Петровича Торماسова.

Во втором эшелоне находились два резервных корпуса; кроме того, гарнизон Риги насчитывал 18 тысяч человек. При этом на русско-шведской границе находился корпус генерала Ф. Штейнгеля, а на юге – Дунайская армия адмирала П. Чичагова.

В тылу страны шло формирование резервов. Слабым местом в группировках войск была их большая растянутость по фронту (до 600 километров) и большие разрывы между ними (до 200 километров). При этом лесисто-болотистая местность Полесья сковывала маневренные способности войск.

Не имея строго определенного плана войны, армии первого эшелона оказались в невыгодном оперативном положении.

Словом, приезд царя на предполагаемый театр военных действий не изменил радикально обстановку к лучшему. Кстати, даже сам Наполеон язвительно охарактеризовал эту ситуацию: «Фуль предлагает, Армфельд противоречит, Беннигсен рассматривает, Барклай, на которого возложено исполнение, не знает, что заключить, и время проходит у них в ничегонеделании!».

Итак, вооруженные силы противоборствующих сторон должны были вступать в борьбу далеко не в равных условиях.

Французская армия – при значительном превосходстве в силах, в компактной наступательной группировке, при наличии детально разработанного плана наступательных действий и едином централизованном руководстве.

³² Подписанием Беловежского соглашения гитлеровский план «Ост» был практически выполнен.

³³ По другим данным, 240 тысяч человек.

Русская армия – при значительно меньших силах, при невыгодном оперативном положении, при отсутствии четко разработанного плана войны. Боевыми действиями должны были руководить два человека: император и военный министр.

Судя по всему, Александр I с утверждением Наполеона: «Один дурной генерал при руководстве войсками лучше двух хороших генералов» знаком не был.

24 июня 1812 года французская армия вторглась в пределы государства российского. По наведенным мостам через Неман в идеальных походных колоннах, мерным, уверенным шагом шла и шла на восток великая и многоликая армия Наполеона. Для России наступила пора великих испытаний.

Еще накануне нападения Наполеон обратился с воззванием к своим войскам. «Воины! – говорилось в нем. – Вторая Польская война начинается. Первая кончилась при Фридрихланде и в Тильзите. В Тильзите Россия поклялась на вечный союз с Францией и вечную войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои. Она объявляет, что даст отчет о поведении своем, когда французы возвратятся за Рейн, предав на ее произвол союзников наших. Россия увлекается роком, да свершится судьба ее!

Не думает ли она, что мы изменились? Разве мы уже не воины Аустерлица? Россия дает нам выбор на бесчестие или войну, он не сомнителен. Мы пойдем вперед, перейдем Неман и внесем войну в сердце ее. Вторая Польская война столько же прославит французское оружие, сколько и первая. Но мир, который мы заключим, будет прочен и уничтожит пятидесятилетнее гордое и надменное влияние России на дела Европы».

У россиян, узнавших вскоре о «воззвании тирана», демагогия его сомнений не вызывала. Истинный смысл ее проявлялся в словах, обращенных к солдатам: «Москва и Петербург будут наградой подвигов ваших, вы в них найдете золото, серебро и другие драгоценные сокровища. Вы будете господствовать над русским народом, готовым исполнять раболепно все ваши желания и делать все удовольствия, какие только угодны будут вашей душе». Было ясно: Наполеон идет в Россию завоевателем, мечтая превратить русский народ в рабов.

Итак, 24 июня началась Отечественная война 1812 года. Что же происходило в этот день в ставке русского царя? Происходило же нечто невообразимое.

По свидетельству адъютанта Барклая А. Муравьева, царь не мог не знать того, что французы, не удостоенные со стороны русских войск ни единым выстрелом, уже переправились через Неман. Однако запланированный бал не был отменен, и император поехал на сие увеселительное действо, кое состоялось в имении Закреты (в четырех верстах от Вильно), в апартаментах цареубийцы³⁴ графа Беннигсена. Под мерный топот французских сапог русское офицерство в парадных мундирах лихо отплясывало мазурку, сменяемую вальсом, полонезом...

Официальное донесение о вторжении неприятеля получено было царем около 11 часов вечера. Сообщение поначалу было скрыто от веселящейся публики, и бал продолжался. Только в первом часу император покинул зал (якобы со словами: «Господа офицеры, по коням»). За ним стали разъезжаться и остальные.

После короткого совещания были даны распоряжения на отвод войск.

Одновременно к Наполеону направлялся приближенный монарха министр полиции Александр Дмитриевич Балашов. Царь напутствовал посланника убедить Наполеона вступить в переговоры. «Если Вы согласны вывести свои войска с русской территории, – писал он, – я буду считать, что все происшедшее не имело места, и достижение договоренности между нами будет еще возможно».

Разумеется, тактический ход царя разгадать было нетрудно. Это выигрыш времени для организации сопротивления, определение ближайших намерений противника, создание сооб-

³⁴ Л. Л. Беннигсен был одним из убийц Павла I.

разно этому своей группировки войск, ну и конечно же, поза миролюбца перед цивилизованной Европой.

Вряд ли Наполеон не понял этого, а потому со свойственной ему динамичностью корсиканец заявил: «Будем договариваться сейчас же, здесь, в Вильно. Поставим свои подписи, и я вернусь за Неман». Ситуация для царского посланника оказалась непростой. Наполеон еще до начала войны предлагал России капитуляцию?! Словом, Балашов уехал из Вильно ни с чем. Если верить ему, то между ним и Наполеоном состоялся прелюбопытнейший диалог. На нахальный вопрос Наполеона: «Скажите, чтобы добраться до Москвы, какую лучше идти дорогой?» Балашов, ничуть не смущаясь, отвечал: «Карл XII шел через Полтаву». Наивное же недоумение Наполеона: «В наше время религиозных людей нет» Балашов парировал словами: «В России народ набожный».

Впрочем, там же имела место и дерзкая выходка сопровождающего Балашова Михаила Орлова (будущего декабриста), офицера разведки 1-й Западной армии. Он был послан Барклаем с целью «тайно высмотреть состояние французских войск и разведать о их духе». Пока Балашов ездил к Наполеону, разведчик оставался во французском авангарде. Приглашенный на обед к «железному маршалу» Даву, он усердно отпускал колкости и остроты в адрес сидящих за столом офицеров-супостатов, на что ответить подобным образом те не могли.

Наблюдая эту картину, свирепый маршал, ударив кулаком по столу, грозно воскликнул: «Фи, господин офицер, что вы там говорите?» На что Орлов, так сильно ударив кулаком по столу, что затряслись посуда и приборы, громко ответил: «Фи, господин маршал, я беседую с офицерами». Такая смелая и дерзкая выходка русского офицера «привела присутствующих и самого лютого маршала в удивление и молчание, заставив подумать о характере русского человека».

Смелые выходки Балашова и Орлова с гордостью обсуждались в офицерских кругах и элитных салонах. Впрочем, говоря о визите Балашова, в адрес его злословили – зачем надо было гнать лошадей к Наполеону? Не лучше ли было подождать его приезда в Закреты, где и проходила его аудиенция с императором Франции?

Война встрепенула русский народ и Его Императорское Величество.

Уже на второй день был обнародован царский рескрипт, в коем монарх, обращаясь к народу, вещал: «Оборона отечества, сохранение независимости и чести народной принудила нас пойти на брань. Я не положу оружия, доколе ни единого воина не останется в царстве моем!»

Слова рескрипта, читаемые в людных местах и салонах, будоражили умы россиян, как и слова последовавших за рескриптом двух приказов, в первом из которых военный министр Барклай де Толли призывал: «Воины! Наконец пристало время знаменам вашим развеяться перед легионами врагов всеобщего спокойствия, пристало время... твердо противостоять дерзости и насилиям, двадцать уже лет наводняющим землю ужасами и бедствиями войны.

Вас не нужно взывать к храбрости! Вам не нужно внушать о вере, о славе, о любви к государю и отечеству своему. Вы родились, вы выросли, вы умрете с сими блистательными чертами отличия вашего от всех народов. Но, ежели, сверх ожидания, найдутся среди вас немощные духом храбрости, ежели они не ободрятся бессмертными подвигами предшественников ваших, то укажите сих несчастных, без боя уже побежденных, и они будут изгнаны из рядов ваших. Да останутся в них одни надеющиеся на мужество свое, да летят они на поле чести, восклицая: „С нами бог! Разумейте языци и покоряйтесь!“»

Другой императорский приказ взывал к армиям нашим: «Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим об их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян!

Воины! Вы защищаете веру, Отечество, свободу! Я с вами!»

Все было направлено на поднятие морального духа народа и армии, того духа, который, по словам Наполеона, «предопределяет на три четверти успех войны».

Однако война, несмотря на воззвания и заклинания, подчинена своим законам, которые и диктуют ход и исход ее.

Реальность же была такова. Хотя до подхода к Вильно неприятелю требовалось не менее трех суточных переходов, Александр I поспешил покинуть город. Вместе с царем последовала и его многочисленная свита, те, кто «ловил кресты, чины и следил только за направлением флюгера царской милости», как писал Лев Николаевич Толстой.

Что же касается Барклая и его штаба, то они еще три дня находились в Вильно, энергично собирали и обобщали данные о противнике, пытались уяснить обстановку, определить группировки противника и его намерения. Только на четвертый день войны, буквально за час до вступления в Вильно французов, Барклай выводит свой штаб из города. Делает он это, по словам очевидцев, «спокойно, хладнокровно, уверенно, всем своим видом показывая, что он ничего не боится и никуда не торопится». Еще накануне, составив первое представление о неприятеле, он распорядился об отходе 1-й армии на Свенцяны, а 2-й – на Минск с целью объединения усилий. Однако события пошли по иному пути.

По повелению царя армии Барклая надлежало отходить к Дрисскому лагерю. Армии же Багратиона следовало выйти на позиции для действий во фланге противника. Попросту говоря, Александр I вводил в действие план Фуля! В этой связи Барклай с удивлением пишет царю: «Я не понимаю, что мы будем делать с целой армией в Дрисском лагере. После столь торопливого отступления мы потеряем неприятеля из виду и, будучи заключены в этом лагере, будем принуждены ожидать его со всех сторон». И тем не менее в начале июля 1-я Западная была в означенном царем месте.

Что же касается 2-й Западной армии, то путь ее на соединение с 1-й (как и следовало ожидать) оказался отрезанным. Багратиону ничего не оставалось, как отходить на Бобруйск, а это еще больше разделяло русские армии.

Александр I на военном совете, что состоялся в Дрисском лагере, пришлось выслушать нелестные суждения о полководческих дарованиях своего наставника по стратегии Фуля, возведенного к тому времени в генеральский чин. Члены военного совета высказали единодушное мнение – немедленно оставить «эту мышеловку». Было решено продолжить отход 1-й армии к Витебску, имея главную цель – соединение ее с армией Багратиона.

Любопытно, что по прибытии в Дрисский лагерь как раз исполнилась годовщина Полтавской битвы, и император обратился к войскам с воззванием: «Дать врагу сражение!» Сражения, однако, не получилось. Лагерь оставили без боя.

В тот же день было издано еще одно интересное воззвание – командующего второй армией Багратиона: «Господам начальникам войск внушить солдату, что все войска неприятеля не что иное, как сволочь со всего света... Они храбро драться не умеют, особливо же боятся нашего штыка. Я с вами, вы со мной!»

Французы, заняв Дрисский лагерь, назвали его «памятником невежества в военном искусстве».

Ну а что же случилось с духовником царя по военной стратегии пруссаком Карлом Людвигом Августом фон Фулем? По словам А. Шишкова, оставив Дрисский лагерь на одном из привалов «пруссак Фуль и поляк Ожеровский лежали один подле другого и беспрестанно хохотали. Мне досадно было, при таких обстоятельствах... слышать их беспрерывно веселящихся». И далее: «Кто исчислит бедственные следствия сего несчастного отступления, той оборонительной системы, выданной господином Фулем и его подобными?»

Между тем, нахохотавшись вдоволь, сменив готическую важность на раболепие и предупредительные поклоны, Фуль как ни в чем не бывало продолжал оставаться в царской свите.

Более того, он ухитрился представить императору свой проект обращения его к народу с восхвалением Наполеона и бессмысленности ему сопротивления!³⁵

Небезынтересно заметить, что даже Наполеон, однажды за приметив огромную свиту иностранцев в окружении русского царя, воскликнул: «Никак не могу понять, почему у него такое странное пристрастие к иностранцам? Что за страсть окружать себя подобными людьми, каковы Фуль, Армфельд и другие... без всякой нравственности, признанными во всей Европе за самых последних людей?»

Как бы там ни было, а начальный период войны, имеющий огромное влияние на дальнейший ход вооруженной борьбы, оказался за Наполеоном. Столь прискорбному стечению обстоятельств, безусловно, способствовала еще одна существенная причина. Дело в том, что при нахождении в действующей армии монарха права главнокомандующего принадлежали ему.

Следовательно, вооруженной борьбой непосредственно на театре войны должен был руководить Александр I, человек «со странными сочетаниями мужских достоинств и женских слабостей». В результате и без того ограниченные права военного министра еще более урезались. Царь не внял голосу Барклая: «Главное начальство над всеми тремя армиями необходимо поручить для общей пользы единому полководцу». Однако Александр I не пожелал определить главнокомандующего Большой действующей армии, планируя сам померяться силами с Наполеоном!

Что же касается Бонапарта, то он, узнав о намерениях самодержца, воскликнул: «Императору Александру вовсе это не нужно. Его дело царствовать, а не командовать. Напрасно он берет на себя такую ответственность».

Между тем, по словам очевидцев, царь, находясь при армии, «всем мешал и все путал, постоянно вмешиваясь в руководство». Делал он это, минуя Барклая, либо через Аракчеева, либо через Волконского, находящихся при императорской особе³⁶.

Примером неразберихи в управлении армиями может служить ситуация со второй армией. Как уже говорилось, Барклай поставил задачу Багратиону на отход к Минску. Однако в ходе марша Багратион получает личное распоряжение императора следовать на Вилейку, то есть выходить на диспозицию Фуля. Выполняя приказ, Багратион пошел на Николаев, где начал переправу через Неман, однако оказалось, что дорога на Вилейку уже занята французами, и Багратион вынужден был возвращаться на прежний маршрут. Но время было потеряно: в Минске уже находились войска Даву.

О том, сколь несуразны были распоряжения императора, можно судить и по такому казусу. Еще в ходе марша 1-й армии к Дрисскому лагерю царь отправил своего флигель-адъютанта Потоцкого с приказом уничтожить на Двине переправу.

«Пылая усердием, царский посланник сообщил пламень и мосту, и магазину, довольно значащему, тогда как неприятель был еще в 80 верстах расстояния, и с такой возвратился поспешностью, что не успел заметить, как жители растащили магазин и спасли запасы, которыми позднее довольствовался авангард графа П. Палена и 6-й корпус с трудом переправившихся к своим по наспех отремонтированному ими мосту».

Примеров подобных было множество. Император иногда признавал свои ошибки, а затем все опять возвращалось на круги своя. При этом, несмотря на столь сложную обстановку, ставка императора по-прежнему не обходилась без интриг и сплетен. «Я нахожусь при войсках на виду неприятеля и в главной квартире почти не бываю, потому что это настоящий вертеп сплетен и кабалы», – писал Михаил Богданович своей жене в Петербург.

³⁵ После отступления русских войск к Смоленску Фуль был отправлен из действующей армии в Петербург. Затем уехал в Англию. В 1818 году снова приглашен на русскую военную службу и произведен в генерал-лейтенанты с назначением посланником России в Нидерланды. Затем еще раз вошел в историю пасквилем на русское военное искусство.

³⁶ А. Аракчеев занимал пост председателя департамента военных дел Государственного совета. П. М. Волконский возглавлял военно-походную канцелярию императора.

Отсутствие единого руководства войсками, несуразные решения, противоречащие друг другу, отдачу распоряжений через голову командующих особенно тяжело переживал Петр Иванович Багратион. Стремительный и неустрашимый, прямолинейный и темпераментный, он не мог спокойно взирать на происходящее. Не зная истинных мотивов принятия тех или иных распоряжений, горечь свою он изливал на Барклая.

В отношениях этих двух талантливых военачальников, ранее уважительно относившихся друг к другу, появились первые трещины.

Поскольку связь городов и провинций с действующей армией была довольно активной, то перипетии вооруженной борьбы вскоре становились достоянием общества. Все сходились на том, что театр войны царю следует покинуть, развязав тем самым руки военному министру. Полководческим дарованиям самодержца верили мало. Даже родная сестра царя великая княгиня Екатерина Павловна писала позднее своему брату: «А Вы, я полагаю, являетесь в военном отношении еще большим неудачником, чем в гражданском».

Более того, близкие и преданные императору люди, такие как А. Аракчеев, А. Шишков, А. Балашов, вынуждены были обратиться к нему с великоподанным письмом-просьбой об оставлении им действующей армии. Вот лишь выдержка из этого прошения: «Всемилоостивый государь, сие мнение наше основано на верности и любви к священной особе твоей. Обрати, надежда России! Обрати внимание свое на него! Молим тебя со слезами! Мы уверены, что сей глас наш и моление перед твоим престолом есть глас всего отечества, всех верных твоих подданных, и готовы в том подписаться кровью».

Естественно, встал вопрос, как передать царю сие прошение. Выбор, как ни странно, пал на Аракчеева (о котором говорили, что он съедал неудобные царю прошения, дабы не докладывать их!).

Вот как описал этот эпизод инспектор внутренней охраны императора граф Евграф Комаровский (шутливо прозванный в свете «полтора графа»): «Шишков и Балашов, с которыми я жил вместе, сказывали мне, что они насилу смогли убедить графа Аракчеева, чтобы он упросил государя оставить армию <...>, что это единственное средство спасения отечества, на что Аракчеев воскликнул: „Что мне до отечества! Скажите мне, не в опасности ли государь, находясь при армии?“ – „Конечно, – ответили они, – ибо если Наполеон разобьет ее, что будет тогда с государем? А если он победит Барклая, то беда невелика“. Это заставило Аракчеева идти к государю и упросить его величество на отъезд из армии».

Словом, Александру I (по осознанию обстановки) с мечтой о славе на поле брани пришлось на время расстаться. Действительно, оставаясь при действующей армии, всю ответственность за поражения должен был брать на себя монарх, а это претило царскому честолюбию. Престиж императорской особы необходимо было блюсти. В столь трудный момент от войны лучше держаться подальше, обвиняя в неудачах других, что и предпочел самодержец.

19 июля 1812 года по прибытии в Полоцк государь покинул действующую армию. Перед тем как сесть в карету, обращаясь к Барклаю, напыщенно произнес: «Поручаю вам мою армию. Не забывайте, что у меня нет другой, и пусть эта мысль никогда вас не оставляет».

Однако с мечтой о лаврах полководца расставаться полностью монарх все же не хотел. Даже свою военно-походную канцелярию оставил при Барклае, надеясь на свое скорое возвращение. Словом, должность главнокомандующего Большой действующей армии по-прежнему оставалась вакантной.

В каком же положении оказался Барклай после того как царь оставил действующую армию? Конечно, как военный министр он мог отдавать распоряжения от имени императора. Однако далеко не во всех случаях! К тому же воинское звание его было равным с командующими 2-й и 3-й армий. При том и Багратион, и Торماسов находились в этих званиях значительно дольше по времени, что по военной субординации тех времен определяло их старшинство по отношению к Барклаю, усугубляя еще более двусмысленность его положения.

Как бы там ни было, а вскоре царская кавалькада снова появилась в столице. Некогда чопорно-сановный Петербург встретил императора настороженно-выжидающе. По улицам города спешно шли колонны войск с северо-западной границы, дабы встать на пути идущих к столице корпусов Макдональда и Удино. По Невскому не очень уверенно маршировало петербургское ополчение. Продолжалось повальное пожертвование на военные нужды. В театрах шли пьесы, прославляющие воинскую доблесть русского народа. Чувствовалась общая обеспокоенность. Еще бы! Из Петербурга вывозились национальные сокровища. Готовилась к отъезду в Казань царская семья. Уезжали в свои заволжские имения семьи многих знатных особ. «Столичные тузы не знали, что делать, куда деваться. Всяк помышлял о своем отсюда удалении». Вместе с тем все были довольны, что Александр I оставил армию, однако находились и те, кто язвил: «А как понимать заверение царя в том, что он вместе с воинами на поле брани?» Одним словом, теперь Петербург жил успехами и неудачами русской армии, руководимой ныне Барклаем.

В те дни совершенно неожиданно для себя прежде малозаметная жена военного министра Елена Ивановна стала одной из популярных дам столицы. Многие напрашивались в гости в дом Барклая, дабы узнать положение дел на войне да посудачить. Выходили, однако, обескураженные не только скромностью приема, но и тем, что ничего путного узнать не могли. Служебные дела с женой Михаил Богданович предпочитал не обсуждать.

Для супруги полководца подобные визиты были малоприятны. Если в начале войны имелись какие-то надежды к лучшему, то в ходе ее они становились все более призрачными. К тому же если при нахождении царя на театре войны можно было хоть как-то оправдывать мужа, то с отъездом монарха вся ответственность легла на плечи Михаила Богдановича. До Елены Ивановны стали доходить весьма нелестные слухи о ее супруге. Будучи человеком умным, она, конечно, понимала, что у победы всегда много творцов. Другое дело поражение. Здесь всегда ищут одного виновника.

Именно в таком положении в начале войны оказался военный министр, генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай де Толли.

Надо сказать, что обстановка к тому времени в действующей армии создалась архисложная. Продолжая отход, 1-я Западная армия оказалась под Витебском, где было решено сделать остановку для передышки, приведения в порядок тылов, пополнения запасов, частичной перегруппировки, общего упорядочения после столь стремительного марша.

Одновременно предполагалось нанесение контрудара на оршинском направлении, чтобы создать условия для соединения с армией Багратиона. Здесь же у Островно разгорелся жаркий бой, в ходе которого русские полки стояли насмерть. Участник боя генерал Павел Коновницын писал в Петербург жене: «От 8 часов утра до 5 часов пополудни я дрался с четырьмя полками и двумя батальонами сводных гренадер... Я целый день держал самого Наполеона, который желал обедать в Витебске. Но не попал... Наши дерутся, как львы, но мы не соединены. Багратион, Платов и Витгенштейн от нас отрезаны».

Соединиться со 2-й армией в Витебске, к сожалению, не удалось. Накануне предполагаемого сражения адъютант Багратиона Н. Меншиков³⁷ доставил известие о занятии Могилева войсками Даву. Грубую ошибку начального периода войны пришлось исправлять очередным отходом – в ущерб полководческой репутации Барклая де Толли. Оставление Витебска было подчинено главной цели – соединению армий.

Между тем «витебский маневр» Барклая понят был далеко не всеми, в том числе и царским двором, поэтому, как бы оправдываясь за содеянное, Барклай доносил царю: «Направление, принятое армией князя Багратиона... привело меня в отчаяние. Чтобы не оставить мар-

³⁷ Потомок знаменитого сподвижника Петра I.

шалу Даву открытую прямую дорогу от Могилева к сердцу России, мне не оставалось иного решения, как идти к Смоленску форсированным маршем».

Действительно, задержка под Витебском могла быть использована противником в упреждении захвата Смоленска, что делало бы проблематичным соединение армий, да к тому же выводило противника прямо на Москву. Донесение заканчивалось заверениями в том, что по прибытии в Смоленск и по соединении армий «будут созданы условия к переходу в решительное контрнаступление с нанесением противнику чувствительнейших ударов».

Что же касается Наполеона, то он жаждал этого сражения. Навалившись всеми силами на армию Барклая, он, конечно, мог разгромить ее, что возымело бы катастрофические последствия для хода войны. Однако такой возможности корсиканцу Барклай не предоставил.

Напрасно Наполеон развертывал свои корпуса из походного в боевые построения против противника, который был в ту пору в десятках верст от Витебска. Не поверив докладам о том, что противника нет, что Барклай обманул его, обозначив свои позиции ложными огнями, Наполеон снова оказался перед проблемой «исчезнувшей армии».

Одновременно с донесениями Барклая к царю шли и другие письма, в которых отступательная стратегия военного министра всячески поносились.

Особенно преуспевал в этом князь Багратион. «Генерал по подобию и образу Суворова», он еще до начала войны настойчиво предлагал «не дожидаясь нападения, противостоять неприятелю в его пределах». Натура Петра Ивановича никак не могла смириться со столь длительным отходом русских войск. В письмах к императору он умолял его «заставить Барклая остановить неприятеля». В письмах же к самому Барклаю он довольно резко обвинял его в совершенно недопустимой нерешительности и непонятной осторожности.

Барклай же на все смиренно отвечал: «Глас отечества призывает нас к согласию, соединимся и сразим врага России».

Еще более нетерпим Багратион был в переписке со своим другом начальником штаба 1-й армии генералом Ермоловым: «Я не понимаю ваших мудрых маневров, – писал он. – Мой маневр – искать и бить! За что вы так срамите русскую армию? Наступайте же ради бога! Неприятель места не найдет, куда ретироваться!» И далее: «Нет, мой милый! Я служу моему природному государю, а не Бонапарту. Мы преданы, я вижу, нас ведут на погибель, я не могу равнодушно смотреть. Министр сам бежит, а мне приказывает всю Россию защищать!» В заключение Петр Иванович сетует, что если и дальше так дела пойдут, то ему ничего не останется, как выйти в отставку, «дабы не служить под игом иноверцев-мошенников».

Словом, командующий 2-й армией, как всегда, был «на своем коне». Исключений ни для военного министра, ни для Бонапарта он не делал. К этому надо, конечно, добавить, что 2-я армия совершала отступательные маневры в условиях постоянного превосходства противника в силах и маневренных возможностях, при более выгодных для него операционных возможностях. Ведя тяжелые арьергардные бои, армия все время совершала тяжелые изнурительные форсированные кружные марши.

Солдаты были утомлены беспредельно. Наравне с ними переносили тяготы и офицеры. Многие из них, оказывая помощь ослабевшим нижним чинам, несли на себе их ранцы и ружья. Все офицерские верховые лошади были навьючены солдатскими ранцами и другим крайне необходимым имуществом. Однако дух багратионова войска, как всегда, был высок. Неимоверно уставшие воины шутили: «Если первая армия надеется на себя и на бога, то вторая, сверх того, еще и на князя Багратиона!»

Исследователи Отечественной войны 1812 года позднее напишут: «Князь Багратион, облегченный от ответственности, думал только о сражении. Можно утвердительно сказать, что оно имело бы самые гибельные последствия». В этой связи хотелось бы привести одно из изречений Наполеона: «Действовать нерешительно, робко, ощупью – всегда вредно на войне. Но

решительность, храбрость главнокомандующего на войне отличны от решительности и храбрости начальника дивизии и капитана гренадерской роты».

И еще одно интересное (хотя и малопопулярное ныне) заключение о полководческих дарованиях Барклая де Толли, данное К. Марксом: «Он выполнял отступление с замечательным искусством, непрерывно вводя в дело то ту, то другую часть своих войск, с целью дать князю Багратиону возможность выполнить свое соединение с ним».

Что же касается самого Багратиона, рассылавшего свои письма по разным адресам, то и здесь сказался общительный и энергичный характер этого человека. О людях подобного склада характера в ту пору говорили: «Они купаются в письмах, как осетры в реке».

К сожалению, Петр Иванович Багратион в суждениях своих был не одинок. Вскоре по Петербургу поползли слухи о никчемности и даже предательстве военного министра, слухи эти усердно подогревались оппозицией и недоброжелателями, коих у Барклая было предостаточно. С одной стороны, его по-прежнему ненавидел Аракчеев, с другой – «завистники столь стремительного продвижения нетитулованного генерала, не имеющего за душой ни единого крепостного, без какой-либо видимой опоры в близких к престолу людей».

Усердствовал и претендент на пост главнокомандующего Л. Беннигсен. Много неприятностей доставлял младший брат царя великий князь Константин, покровительствовавший оставленной при армии многочисленной императорской свите и привилегированной гвардии.

В действующей армии стали расходиться анекдоты, эпиграммы, песенки, в коих военный министр показывался в весьма неприглядном виде. Особливо преуспевала в этом дворянская элита – гвардейское офицерство. Но только ли оно?

С течением времени в оппозиции к Барклаю оказались все противники отступления. В рядах ее оказались многие из тех, кто в прошлом относился к Михаилу Богдановичу с глубоким уважением, но «ропот сильный был слышен между офицерами и генералами оттого, что все они желали грудью встретиться с неприятелем». Вот лишь одно из изречений казачьего атамана Платова: «Боже милостивый, что с русскими армиями делается? Не побиты, а бежим!»

Даже начальник штаба 1-й армии Ермолов «был противного с главнокомандующим мнения на способы ведения военных действий, почитал его изменником или, по крайней мере, неспособным находиться в числе русского воинства».

Убеждения эти распространялись среди низших чинов, где солдаты главнокомандующего своего Барклая де Толли именовали не иначе как «Болтай-да-и-только».

Действительно, небольшие схватки с врагом показали, что французов можно бить. Поэтому непрерывное отступление вызывало недоумение и противление этому большей части воинов. Им горько было оставлять на поругание и бесчестье русскую землю: стариков, матерей, детей, жен и невест. И вообще русский мужик не привык отступать, не подравшись как следует. Словом, ни дворянство, ни чернь Барклая не понимали. Справедливости ради надо сказать, что в создании столь неблагоприятной для себя обстановки немалая заслуга была и самого Михаила Богдановича. Вот как отзывались о нем современники: «Совершенная противоположность Суворову и Кутузову. Он был высокого роста, худощав, важен, молчалив, не владел даром слова, не обладал вполне русским языком. Внушая уважение к себе, он не успел внушить любви и доверенности к себе подчиненных».

Если добавить к сказанному не только постоянную сухость в общении и официальность тона, но и независимый, прямой характер, нежелание заискивать перед кем бы то ни было, пренебрежение к этикету высшего света, то станут понятны слова того же Ермолова: «Поистине драматическими оказываются судьбы тех, кто не заискивает перед представителями свиты императора, кто не умеет лукавить, заводить нужные связи и знакомства».

Для военного министра наступал кризис доверия! Понимая это, ради сохранения своего реноме Барклай предпринимает ответные шаги. Удаляет из армии многих развязных флигель-адъютантов, а затем и самого Беннигсена (но тот доехал только до Смоленска и здесь

дождался отходившую армию), перевел главную квартиру и походную военную канцелярию императора в состав тяжелого обоза (то есть удалил источник интриг и сплетен по крайней мере на один суточный переход от своего штаба). Твердой рукой наводит дисциплину и порядок в отступающей армии. В приказе своем требует: «Расстреливать каждого, у кого в лагере найдутся незаконно присвоенные вещи». (Заметим, что в Оболони по приказу его были расстреляны перед строем войск 12 мародеров.)

В то же время, заботясь о солдате, уповая на старания генерал-интенданта армии Ф. Канкрин (позже министра финансов России), добивался улучшения питания армии, в нарушение артикулов (невзирая на возмущение брата царя Константина) предписывает «не блюсти форму одежды на походах». Одновременно обращается с воззванием к солдатам и офицерам, уверяя их в скором объединении армий и генеральном сражении. «Я с признательностью вижу единодушное желание ваше ударить на врага нашего. Под Витебском мы воспользовались уже случаем удовлетворить сему благородному желанию... Мы готовы были после того дать решительный бой, но хитрый враг наш, избегая оно и обывкши нападать на части слабейшие, обратил главные силы к Смоленску, и нам надлежит встать на его защиту».

Все это возымело свои последствия, смягчило ситуацию, разрядило обстановку, у армии появилась надежда. Лозунгом дня стали три «С» – «Смоленск, соединение, сражение». Однако нашлись и скептики, уверявшие, что ни одного из предыдущих воззваний Барклай не выполнил (подобные обращения Барклая к армии имели место по случаю успеха Платова при местечке Мир и в связи с подписанием мирного договора с Турцией).

Вернемся, однако, снова в города и веси Российской империи, в коих в июле 1812 года много говорилось о Салтановке. Чем же стал знаменит этот малоприметный населенный пункт под Могилевом? Дело в том, что события, имевшие здесь место, предопределили соединение 1-й и 2-й Западных армий. Но обо всем по порядку.

Итак, 2-я Западная, совершая по-прежнему изнурительные марши, пытаясь опередить корпус Даву, шедший прямым путем на Смоленск, 22 июля подошла к Могилеву, где Багратион снова убедился в тщетности своих усилий. Город уже был занят французами. Полагая, что здесь небольшие силы неприятеля, Багратион приказал корпусу Николая Раевского выбить их, чтобы переправить свою армию через Днепр.

В свою очередь маршал Даву, правильно определив намерения Багратиона, сосредоточил здесь почти все свои наличные силы. Между тем стремительный Багратион, быстро сориентировавшийся в обстановке, изменяет первоначальное решение. Теперь задача Раевского, а также перебросенных сюда казаков Платова и дивизии Паскевича состояла в том, чтобы сковать войска противника под Могилевом (точнее – под Салтановкой), обеспечив тем самым переправу главных сил 2-й армии в другом месте.

Обманутый французский маршал Луи Никола Даву мужественно сражался под Могилевом, давая возможность армии Багратиона беспрепятственно переправиться через Днепр в районе Нового Быхова. То, к чему стремились Багратион и Барклай с начала войны, 23 июля свершилось!

Вот как описал это одно из замечательных событий войны очевидец: «Двое суток продолжалась с нашей стороны сильная атака, которая при всей опытности и неустрашимости Раевского и храбрости войск его была, разумеется, неудачной, потому что все неприятельские войска чрезвычайно в превосходных силах встретили его, но в это время Багратион со своею 2-й армией успел переправиться через Днепр и, притянув к себе сражающихся и Раевского, и Паскевича, переправил и их, и атамана Платова через Днепр и потом беспрепятственно со всею армией пошел на соединение с армией Барклая в Смоленске».

Впрочем, произошел сей французский конфуз, конечно, не без помощи маршала Даву.

Сам же Багратион оценил действия противника по-военному, коротко: «Дураки меня выпустили». Словом, уверенность Наполеона, что «Багратион с Барклаем уже более не увидятся» оказалась чрезмерной.

Надо сказать, что немалая заслуга в происшедшем принадлежала и генералу Николаю Николаевичу Раевскому. В самый критический момент, когда казалось, что корпус не выдержит более натиска неприятеля, Раевский возглавил атаку войск вместе со своими сыновьями.

Справа от отца под ураганным огнем и свистящими ядрами со знаменем в руках шел в бой 15-летний Александр, слева, сжимая эфес шпаги, – 11-летний Николай. «Подвиг Раевских вдохновил солдат и офицеров корпуса. Многие из них, получив по две раны, снова шли в бой, как на пир!» – писал очевидец³⁸.

Разумеется, все содеянное летом 1812 года было бы невозможно без широкой поддержки народных масс, всех сословий российского общества.

Надо сказать, что русское дворянство проявило немалый патриотизм и верность отечеству. «Внимая гласу монаршего воззвания... оно единогласно изъявило желание оставить жен и детей своих, препоясаться всем до единого и идти защищать веру, царя и дома, не щадя живота своего».

Конечно, не совсем по-дворянски повели себя некоторые из представителей этого сословия. «Стыжусь, что принадлежу к нему», – писал будущий декабрист С. Г. Волконский. Возможно, Сергей Григорьевич имел в виду неблаговидный поступок зятя Михаила Илларионовича Кутузова, отставного майора русской армии, пьяницу и кутилу, смоленского помещика Н. Хитрово, встретившего наполеоновские войска с развевающимся французским флагом и офицерским банкетом³⁹.

Что же касается русского солдата, то здесь уместно привести слова Барклая из донесения царю: «Рядовой солдат армии Вашего Императорского Величества, несомненно, лучший в мире». Русский же мужик, еще вчера готовый сражаться в рядах Пугачева за свержение самодержавия, сегодня встречал французов с топором и рогатиной. «Крестьян никто не поднимал, не организовывал, не заставлял это делать, однако при первом же знаке они все собирались и с необозримой яростью устремлялись на неприятеля», – писал Д. Ашхарумов. «Тысячи селян, – вторил ему Федор Глинка, – превратив серп и косу в оборонительное оружие, без искусства, одним мужеством отражают злодеев. Даже женщины сражаются».

Все это с непрерывными боевыми схватками, изнурительными маршами, болезнями, отставаниями и дезертирством катастрофически уменьшало наполеоновскую «армию вторжения». К этому надо добавить огромные потери кавалерии, растянутость и необеспеченность коммуникаций, перебои в снабжении и враждебное отношение местного населения.

Словом, несмотря на возмущения беспредельным отступлением войск и уничтожительную характеристику Барклая, продвижение французской армии по русской земле не было развлекательной прогулкой. «В России, – по словам Коленкура, – мы оказались как бы посреди пустыни».

³⁸ Добавим, что оба сына Н. Н. Раевского оказались в рядах декабристов и были сосланы в Сибирь. Там же участь своего мужа декабриста С. Г. Волконского, оставив в Петербурге малолетнего сына, разделила и дочь Раевского Мария, воспитанная Пушкиным и Некрасовым. Раевский также оказался зятем еще одного декабриста – М. Ф. Орлова (автора дерзкой выходки миссии Балашова). Сам же Николай Николаевич был единоутробным братом декабриста В. Л. Давыдова, приходился внучатым племянником Г. А. Потемкину, а женат был на внучке М. В. Ломоносова. Любопытно и то, что он отказался от пожалованного ему царем графского титула. «Этот русский генерал, – сказал о нем Наполеон, – сделан из материала, из которого делаются маршалы».

³⁹ Позднее, по-видимому, не без участия главнокомандующего действующей армии М. И. Кутузова зять его Н. Хитрово оказался в ее рядах, принимал активное участие в войне, был тяжело ранен (потерял ногу), получил чин подполковника и орден Святого Георгия III класса. После войны построил на свои деньги приходскую церковь, превратился в трезвенника, проводя большую часть времени в богослужении.

Все это привело к первому кризису французской военной машины. На военном совете в Витебске Наполеон встретил сопротивление своих маршалов. Они единодушно (кроме Мюрата) высказались против дальнейшего продвижения в глубь страны. Несмотря на это, Бонапарт заявил: «Заключение мира ожидает нас у московских ворот. Но! Для этого, конечно же, необходимо овладеть Смоленском».

Итак, Смоленск, древний город славян, город ратной славы, форпост западных рубежей Руси, крепостные стены которого не раз встречали иноземных гостей. Овладев Смоленском, Наполеон открыл бы для себя путь на Москву. Впрочем, только ли на Первопрестольную. С таким же успехом он мог идти отсюда и на Петербург.

Вот почему за ходом событий, развернувшихся после соединения армий, в Петербурге, Москве и во всей России следили с особой обеспокоенностью. Сможет ли Барклай остановить врага на смоленском рубеже? От этого зависела судьба не только обеих столиц, но и всего хода войны.

Между тем, используя вынужденную остановку французских войск под Витебском, 1-я Западная без особых хлопот 1 августа подошла к Смоленску. На другой день к дому смоленского военного губернатора Бахметьева (в коем остановился Барклай), опережая свои войска, подъехала кавалькада Багратиона. Всего лишь каких-то пять лет тому назад подчиненный Багратиона генерал-майор, а теперь военный министр, командующий 1-й армией и практически руководивший действующей армией генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай де Толли, при шпаге и со шляпой в руках, поспешил ему навстречу.

Впервые после начала войны командующие двух армий встретились, обнялись и объяснились. Каждый из них забыл горечи и обиды трудной поры, выразил чувство удовлетворения в связи с соединением армий и взаимное уважение, зародившееся еще в давние времена совместных боев и походов.

На другой день под звуки музыки, неумолкаемый шум, пение и радостные возгласы вошла в Смоленск армия Багратиона.

«Можно было подумать, что оное пространство между Неманом и Днепром, не отступая, оставила, но пришла, торжествуя... Видна была гордость преодоленных опасностей и готовность к превозможению новых», – так засвидетельствовал сей факт очевидец.

Случилось нечто «противно всякому вероятно» – писал по сему поводу сам государь!

А между тем солдаты объединившихся армий кричали: «Мы видим бороды наших дедов! Пора драться!»

Петр Иванович Багратион «ради пользы дела» (и уважения к министерскому посту) изъявил полную готовность своего повиновения Барклаю, о чем в письме к императору засвидетельствовал: «Порядок и связь, приличные благоустроенному войску, требуют всегда единоначалия, тем более в настоящем времени, когда дело идет о спасении отечества, я ни в какую меру не отклонюсь от такого повиновения тому, кому благоугодно подчинить меня».

Почти в том же духе и тому же адресату писал и Барклай: «В князе⁴⁰ я нашел характер, полный благороднейших чувств патриотизма. Я объяснился с ним относительно положения дел, и мы пришли к полному согласию». И далее: «Смею заранее сказать, что так доброе единомыслие установилось и мы будем действовать вполне согласно». (Заметим, с последним выводом Барклай поспешил.)

Дабы укрепить веру офицеров и солдат «в единомыслие» Барклая и Багратиона, вместе они объехали бивуаки армий и на виду войск несколько раз протягивали друг другу руки для рукопожатия, свидетельствуя тем о добром согласии между ними.

Как бы там ни было, но это обстоятельство разрушило надежды некоторых генералов и офицеров, «единодушно не терпящих Барклая и пребывавших в восторге от неоспоримой

⁴⁰ Багратионе.

репутации Багратиона». Как покажут события, дружба эта оказалась непродолжительной. Как бы предвидя это, генерал Ермолов писал: «Они встретились с всевозможными изъявлениями вежливости, со всем видом приязни, но с холодностью и отчуждением в сердце».

Впрочем, только ли это осложняло для Барклая ситуацию в действующей армии? В очередном письме к императору он писал: «Генерал Платов... облечен слишком высоким званием, которому не соответствует по недостатку благородства характера. Он эгоист, и сделался крайне сибаритом... было бы счастьем для армии, если бы Ваше Императорское Величество сообразовали найти благовидный предмет, чтобы удалить его». Судя по всему, командующий казачьей вольницей, талантливый и храбрый атаман мало вписывался в педантичные стандарты Барклая. Как говорится, нашла коса на камень.

В августе 1812 года в Смоленске состоялось заседание объединенного военного совета двух армий. Обсуждался план дальнейших действий. Участники совета во мнениях были единодушны – наступать! Доводы были вполне резонны. Поскольку Наполеон не успел еще соединить все свои силы, то предоставляется возможность разгромить часть их. Кроме того, задержкой Наполеона под Смоленском можно выиграть время для пополнения армий резервами, наконец, сдавать врагу исключительно важный в стратегическом отношении Смоленск никак нельзя.

Безусловно, тому способствовало и письмо, полученное Барклаем от императора со словами: «Я с нетерпением ожидаю известий о ваших наступательных действиях».

Да и сам Михаил Богданович писал царю: «Завтра буду иметь счастье довести до сведения Вашего Императорского Величества дальнейшие результаты предложенного мною совещания относительно подробностей операций. Так как неприятель слишком разбросался по дуге от Могилева до Поречья, я решился воспользоваться этим обстоятельством и, скрыв мои намерения завесой легких войск, обрушиться всею массою моих сил на его левое крыло».

Вместе с тем в намерениях своих Барклай был по-прежнему осторожен. «Я не упущу малейшего случая вредить противнику, – писал он, – но со всеми действиями моими против неприятельских сил будут неразделимы самые тщательные заботы о сохранении и спасении армии».

Вот почему позиция его на военном совете была выражена словами: «Император, вверив мне в Полоцке армию, сказал, что у него нет другой для действий против Наполеона. Я должен действовать с величайшей осторожностью и всеми способами стараться избежать ее поражения. Поэтому вам будет понятно, что я не могу со своей стороны не колебаться начать наступательные действия».

Понимая превосходство неприятеля в силах и его маневренных возможностях, беспокоясь за недостаточно обеспеченные фланги и оставляемый в тылу Смоленск, в решении своем на наступление Барклай потребовал, чтобы войска не удалялись от Смоленска более чем на три суточных перехода.

Конечно, это сдерживало наступательный порыв войск, поскольку идти вперед с повернутой назад головой не очень-то удобно. Однако в создавшейся обстановке это было необходимо. Как покажут дальнейшие события, осторожность Барклая была вполне оправданной.

7 августа, оставив в Смоленске небольшой гарнизон для караульной службы и команду для выпечки сухарей, 1-я и 2-я Западные армии начали наступательное движение на Рудню. Впервые за войну солдаты шли не на восток с понурыми головами, а на запад – и с песнями!

Однако уже через два дня движение войск было оставлено. Причиной тому было известие о сосредоточении значительных сил неприятеля в районе Поречья. Опасаясь, что с этого направления противник может выйти в тыл армий и отрезать их от Смоленска, Барклай осуществляет перегруппировку сил на правое крыло. В нерешительных соображениях прошли еще три дня. Тем временем выяснилось, что в Поречье был лишь небольшой отряд, и движение снова было предпринято на Рудню.

Бесплодные дерганья то к Рудне, то от Рудни, то снова к Рудне, иронически именуемые в войсках «мудрыми», а то и просто «предательскими», вновь усилили ропот. Тот же Петр Иванович Багратион дал такую оценку им: «Он⁴¹ лучше знает все наши движения, нежели мы сами. Мне кажется, по приказам его мы и отступаем, и наступаем».

Надо сказать, что Петр Иванович, подозревая предательство, был недалек от истины. Позднее выяснилась довольно неприятная картина. Казачий разъезд атамана Платова обнаружил на столе французского командира дивизии Себастиани записку фельдмаршала Мюрата, в которой он предупреждал Себастиани о готовившемся наступлении русских войск под Рудней! Подозрение пало на адъютанта Барклая – Левенштерна, тем более что он в первые дни войны ездил парламентаром к Мюрату и провел сутки у Себастиани, к тому же перед выступлением русских войск из Смоленска выезжал на русские аванпосты.

Барклай, будучи уверен в порядочности своего адъютанта и беспокоясь за то, что он может быть вызван на дуэль, отослал его в Москву к Ростопчину «по делам». Позднее же выяснилось, что виновником утечки информации, столь неприятно отразившейся на действиях Барклая де Толли, был флигель-адъютант царя Любомирский, который, узнав о готовившемся наступлении, известил об этом свою мать, жившую недалеко от Рудни. Письмо его к матери было перехвачено и прочитано.

Что же касается дальнейших событий под Смоленском, то они развивались довольно динамично и драматично.

12 августа Багратион самовольно, без какого-либо разрешения, отводит свою армию с занимаемого рубежа ближе к Смоленску. Между тем Барклай планировал 14 августа начать наступление объединенными силами на Надву. Эта, мягко говоря, несогласованность в действиях командармов вновь обострила ситуацию.

Однако события к тому времени приняли для обоих командующих совершенно неожиданный оборот. Обнаружилась истинная угроза дальнейшего хода войны: обход Наполеоном русских армий с левого фланга с выходом на оставленный ими Смоленск!

Первоначально, жаждущий генерального сражения Наполеон действительно сосредоточил свои силы в районе Рудня – Лиозно. Однако, увидев бездействие неприятеля и оторванность его от Смоленска, решил форсированным маршем обойти русские силы с юга, чтобы упредить их с отходом к Смоленску. Сие означало, что первая и вторая армии окажутся отрезанными не только от Смоленска и Москвы, но и от южных губерний! Обстановка создалась на редкость критическая.

Уже утром 14 августа на Смоленск маршировали главные силы французской армии: кавалерия Мюрата, пехотные корпуса и гвардия. С могилевского направления сюда же спешили войска Понятовского, Жюно и Латур-Мобура. Наполеон был уверен в том, что русские не оставят Смоленск без генерального сражения. Наконец-то его желания сбудутся и война победоносно завершится! «Отдав мне Смоленск, один из своих священных городов, – заявил он, – русские генералы обесчестят свое оружие в глазах своих солдат!»

Что же касается русских войск, то первая армия в ту пору была на позициях у Волоковой и Гавриков, а 2-я снова совершала марш к Надве. Впрочем, один из корпусов этой армии (и надо же – опять корпус Николая Николаевича Раевского!) оказался всего лишь в 12 верстах от Смоленска. Причиной тому было опоздание с выходом 2-й гренадерской дивизии, коя, согласно диспозиции, должна была идти в голове колонны походного построения корпуса.

Дивизии корпуса, выйдя в исходный район, томились в ожидании 2-й гренадерской. Между тем командовавший дивизией, принц К. Мекленбургский, из-за изрядного кутежа накануне⁴² «был пьян и проснулся на другой день поздно и тогда только дал приказ на выступ-

⁴¹ Наполеон.

⁴² По случаю дня рождения.

ление». Дальнейший ход событий покажет, что спасением своим Смоленск обязан был разгильдяйству ближайшего родственника царя!

Итак, во второй половине дня кавалерия Мюрата вышла к Смоленску с юга, где у деревни Красное встретила сопротивление «наблюдательного отряда» генерала Д. П. Неверовского. Новобранцы дивизии Дмитрия Петровича Неверовского отразили атаки кавалерии Мюрата и семи полков пехоты. «Неустрасимость русского солдата, – писал об этом бое Неверовский, – проявилась во всем своем блеске». С наступлением темноты отряд Неверовского с боями отошел к Смоленску. «Неверовский отступал, как лев!» – засвидетельствует французский генерал Ф. Сегюр. «Я помню, какими глазами мы увидели эту дивизию, подхажившую к нам в облаках пыли и дыма. Каждый штык ее горел лучами бессмертия», – вторит ему Денис Давыдов. Словом, 14 августа в Отечественной войне 1812 года «был днем Неверовского».

К этому времени на выручку Смоленска спешил корпус Николая Раевского.

К вечеру следующего дня у Смоленска запылали бивуачные костры французов. Армия Багратиона находилась в ту пору в 30 верстах, а армия Барклая – в 40 верстах от города. До их подхода от наполеоновской армады Смоленск должны были защищать корпус Раевского, поредевшая дивизия Неверовского, ополченцы Смоленска и команда, оставленная здесь для поддержания порядка да выпечки сухарей. Задача была не из простых.

Понимая трагичность положения, 1-я и 2-я армии, в нарушение всех уставных положений о совершении маршей, не шли, а мчались к только что оставленному Смоленску! В письме своем к Раевскому Багратион умоляет его удержать город: «Друг мой! Я не иду, а бегу: желал бы иметь крылья, чтобы скорей соединиться с тобою. Бог тебе на помощь!»

Конечно, при проведении столь необычных форсированных маршей не обходилось и без казусов. На войне трагичное и комичное часто соседствуют. Именно такой любопытный случай имел место с полковником Тишиным. Отправленный из Поречья для ускорения продвижения артиллерийских парков 1-й армии, «человек болтливый в разговорах, бесконечный на письма, плодовитый в предположениях, вместо принятия действительных мер по эвакуации складов употребил уйму времени на украшение витиеватостями своего рапорта и едва не лишился навсегда возможности писать оные, с трудом унося ноги от неприятеля».

16 августа начался штурм Смоленска. Несмотря на огромное превосходство в силах и отчаянные атаки французских grenadiers, сломить сопротивление защитников города не удалось. «Французы в бессильном иступлении лезли на стены, ломались в ворота, бросались на валы. Но кончилось все тем, что к концу дня русские выбили их из всех предместий».

Участник тех событий генерал Неверовский писал: «Оба дня в Смоленске ходил я сам на штыки, Бог меня спас: только тремя пулями сюртук мой расстрелян».

Во второй половине дня стали подходить армии Багратиона и Барклая. Поредевшие ряды защитников решено было заменить усиленным корпусом генерала Д. С. Дохтурова. Бледного, осунувшегося после болезни Дмитрия Сергеевича спросили, сможет ли он выполнять столь многотрудную задачу. На что генерал ответил: «Лучше умереть на поле боя, чем в постели».

17 августа штурм Смоленска был возобновлен. «К исходу дня, убедившись в бесплодности атак, Наполеон приказал жечь город, которого никак не мог взять грудью», – писал Федор Глинка. Вот как описан этот эпизод им же: «Злодеи тот час же исполнили приказ изверга».

Тучи бомб, гранат и ядер полетели на дома, башни, магазины, церкви. И дома, церкви и магазины объялись пламенем, и все, что может гореть, запылало». Будто именно тогда, любуясь результатом своего варварства, Наполеон изрек: «Труп врага всегда пахнет хорошо».

Что же касается защитников Смоленска, то они «стойко держались под ураганным огнем вражеских батарей, показав тем самым, что русскими не может повелевать жестокость их выстрелов».

Тем временем 2-я армия (по приказу Барклая) на глазах Наполеона уходила по Московской дороге, а 1-я (после обеспечения отхода 2-й) должна была отходить по Петербургскому

тракту с тем, чтобы соединиться для совершения марша на Дорогобуж – Вязьму. В ночь на 18 августа герои Смоленска, уничтожив днепровский мост, покинули город.

В глубокие сумерки из Благовещенской церкви вынесли одну из почитаемых святынь – икону Смоленской Божией Матери, чудом уцелевшую после попадания ядра в ящик, в котором она находилась. Этот образ войска везли с собой до возвращения их в поруганный Смоленск.

С неимоверной скорбью воины оставляли древний форпост земли русской. С поникшими головами и растерзанными сердцами уходили они по Московской дороге. «Унылый звон колоколов, сливаясь с треском распадающихся зданий, и гром сражения сопровождали сие печальное шествие».

Как бы там ни было, а Смоленск пал. В боях за него, по словам Сегюра, «было столько же славы в поражении, как и в нашей победе». В тот же день французы вступили в пылающий ад, именуемый Смоленском, в боях за который французы потеряли более 12 тысяч человек. Мэром взятого города был назначен «титularный советник Васька Ярославцев» (так дословно было сказано в распоряжении Наполеона).

Таковы события «смоленской эпопеи», вызвавшей бурю возмущений в обеих столицах, в стране и в армии. Против Барклая снова выступила вся оппозиция. Однако в решении своем на оставление Смоленска Барклай был непреклонен.

Присланного к нему депутата от оппозиции генерала А. И. Кутайсова он отправляет со словами: «Пусть каждый делает свое дело». Не возымели действия ни уговоры брата царя Константина, ни слова Беннигсена (последнему снова было приказано покинуть действующую армию), ни горячие протесты Багратиона, утверждавшего, что «при удержании Смоленска еще один или два дня неприятель принужден будет ретироваться». Барклай был непоколебим. Решения, которые он принимал, хороши они были или дурны, были его собственными, и никто из окружающих не мог сказать, что он имел на него влияние. «Настойчивость в преследовании поставленных им целей была безграничной». Несмотря на все возрастающую к нему ненависть, вопреки воле царя он сохраняет русскую армию.

Попросту говоря, попытка Наполеона навязать генеральное сражение в невыгодном для русской армии положении снова оказалась неосуществленной.

Безрезультатной для него оказалась и попытка отрезать пути отхода 1-й армии из Смоленска. Положение спас генерал-майор Павел Тучков, арьергард которого в неимоверно трудном бою сдержал первоначальный натиск французских войск, пытавшихся преградить отход 1-й армии у Валутиной Горы 19 августа (в сражение были затем втянуты два русских и три французских корпуса).

Здесь снова проявилась твердость характера Барклая. Прибывшего к нему Тучкова с мольбой «сил нет больше держаться» он отправляет назад со словами: «Если вы снова вернетесь ко мне живым, я прикажу вас расстрелять». Возвратившийся Тучков, несмотря на сильную контузию, продолжал руководить боем. Раненный в последней атаке пулей в голову и штыком в бок, он был взят в плен⁴³.

Впрочем, немалая заслуга в успешных действиях русских войск принадлежала и маршалу Жюно, корпус которого, составленный из вестфальцев, солдат-свинопасов, «розовых, как ветчинные окорока, и таких же жирных», выйти вовремя на указанный Наполеоном рубеж не смог. На бедного Жюно посыпались обвинения «в спасении армии Барклая», что, по-видимому, и послужило одним из поводов (в последующем) для его самоубийства.

⁴³ В Отечественной войне 1812 года принимали участие четыре генерала – братья Тучковы. Двое погибли в Бородинском сражении, а один взят в плен. И еще один любопытный эпизод из биографии Павла Тучкова – пленный генерал обратился к Мюрату с просьбой о награждении офицера, взявшего его в плен.

Итак, русская армия снова отступала, то отрываясь от противника, то чувствуя его дыхание. Она продолжала путь на восток, выбирая приличную позицию и удобный момент для генерального сражения.

Что же касается Наполеона, то он по занятии Смоленска заявил: «Я укреплю свои позиции, мы отдохнем, опираясь на этот пункт, организуем охрану и тогда посмотрим, каково будет Александру... Я поставлю под ружье Польшу, а потом решу, идти мне на Москву или на Петербург».

Однако от прожектов таких ему вскоре пришлось отказаться. Дело в том, что «смоленское сидение» отнюдь не гарантировало победоносного исхода войны. Более того, длительное пребывание в Смоленске создавало ряд серьезных проблем. Прежде всего «смоленская пауза» могла быть расценена «просвещенной Европой» как провал стратегических замыслов со всеми вытекающими из этого последствиями. Кроме того, длительное нахождение здесь Великой армии требовало столь же великих затрат. Все это могло активизировать оппозицию во Франции. А в отсутствие императора в Париже могло произойти многое!

Пропусту говоря, в создавшейся обстановке Наполеон должен был либо продолжать наступление, либо отвести свои войска за Неман. Последнее же означало бы его полное поражение в войне. Оценив обстановку, Наполеон заявил: «Не пройдет и месяца, как мы будем в Москве».

Оптимизм Наполеона снова оказался преждевременным. По приведении армии в порядок и получении сведений о потерях выяснилось, что из 280-тысячной группировки, действовавшей на главном направлении, осталась лишь половина. К тому же растянутость коммуникаций, непрерывные диверсии партизан, грубый просчет в определении запасов продовольствия и фуража обрекли наполеоновское войско на полуголодный паек⁴⁴.

«Мы испытывали, – писал Коленкур, – столько нужд, столько лишений, мы были так истомлены, Россия показалась нам такой неприступной страной, что термометр чувств, мнений и размышлений очень многих людей надо было искать в их желудках».

Не в лучшем положении оказалась и конница. Половина ее была потеряна, остальная часть была очень изнурена непрерывным движением и плохим питанием. «Люди могут идти без хлеба, – писал Э. Нансути, – но лошади без овса – не в состоянии. Их не поддерживает в этом любовь к отечеству».

Вот почему планы Наполеона на ведение войны в России изрядно изменились.

В беседе с пленным генералом П. Тучковым (в отличие от прежнего фанфаронства беседы с генералом Балашовым) Наполеон заявил: «Я ничего больше не желаю, как заключить мир. Мы уже довольно сожгли порошу и пролили крови... За что мы деремся? Я против России вражды не имею. Зачем нам далее проливать кровь по-пустому? Не лучше ли вступить в переговоры о мире... Да и какие последствия должно иметь для вас проигранное сражение? Я займу Москву, и какие бы я ни принял меры для избавления ее от разорения, ничто не поможет. Занятая неприятелем столица похожа на женщину, потерявшую честь. Что ни делай после, но чести вернуть уже невозможно».

На вопрос Наполеона: «Сможете вы передать письмо императору?» Тучков ответил – нет. «Но можете же вы написать брату?» – «Могу, государь».

В письме брату Тучков сообщил о своем пленении, о встрече его с Наполеоном и о предложении Наполеона заключить мир. Письмо Тучкова было переслано Барклаю, а тем – Александру I. Ответа не последовало.

Наполеон к тому времени почувствовал разницу между Россией и западными странами. В дополнение к солдатскому штыку русские вилы и крестьянский топор изрядно прошлись по

⁴⁴ Полагая решить исход войны в приграничном генеральном сражении, французская армия вступила в войну при четырехдневном запасе хлеба и двенадцатидневном запасе муки.

рядам его воинства. Талейран был прав, уверяя: «Штыки, государь, годятся для всего, но вот сидеть на них неудобно».

И все же, несмотря на уговоры Бертье, Коленкура, Дарю и других⁴⁵ – не идти далее Смоленска, Наполеон в гневе воскликнул: «Я сам не раз говорил, что война с Испанией и Россией, как две язвы, точит Францию. Я сам желаю мира. Но чтобы подписать мир, надобно быть двум, а я один!» Это уже был крик отчаяния.

Выехав 25 августа из Смоленска на Дорогобуж, Наполеон обогнал свою армию, двигавшуюся (во избежание потерь от налетов партизан) одной колонной. Взору его предстали неизменно усталые, изнуренные, исхудавшие солдаты, лица которых были отмечены печатью уныния.

Под стать солдатским лицам было настроение и самого императора. Становилось все более очевидным, что побеждает он не русскую армию, а пространство. «С ужасом и изумлением смотрел он на безбрежные просторы России, засасывавшие французское воинство в свою бездонную пучину».

Словом, стратегические замыслы Наполеона оказались построенными на песке. Ни разгрома русских войск в приграничных сражениях⁴⁶, ни разделения их сил, ни генерального сражения осуществить не удалось. Потеря же большого сражения (по словам Сегюра) была для него все равно что нож в сердце.

К сожалению, многие этого ножа, приставленного к горлу Наполеона Барклаем де Толли, не замечали. Особенно острой критике была подвергнута «смоленская эпопея». Утверждали, что, сдав бесславно Смоленск, Барклай открыл ворота на Москву.

Справедливости ради надо сказать, что упреки эти носили скорее эмоциональный характер. Конечно, русские войска даже при той неблагоприятной для них обстановке могли некоторое время удерживать город. Однако это мало бы изменило ход войны к лучшему. Имея превосходство в силах, Наполеон мог оставить часть их для блокирования Смоленска, а остальные же отправить или на Москву, или на Петербург.

Впрочем, единой оценки действий Барклая под Смоленском до сих пор нет. Конечно, действия Барклая были небезупречны. Однако история войн не знает такого противостояния, в котором та или иная сторона не допускала бы ошибок. Были они и в действиях Наполеона. Но кто, как не он, утверждал: «Если бы военное искусство состояло в том, чтобы всегда принимать безопасное положение, то слава сделалась бы достоянием посредственных людей».

Можно лишь с уверенностью сказать, что популярности Барклаю Смоленск не добавил, скорее наоборот. В такой архисложной обстановке Михаилу Богдановичу приходилось осуществлять дальнейший отвод войск. При этом, мысля стратегически, по-прежнему главной задачей своей он считал сохранение армии, все еще не готовой к генеральному сражению.

Однако все более очевидным становилось и другое. Отступление должно было закончиться! Действительно, овладев Смоленском противник вышел прямо на Москву!

Но только ли это?

Армия, отступая, оставила Виленскую, Гродненскую, Витебскую, Могилевскую и часть Смоленской губерний! О столь глубоком отходе «во внутренность империи» не было и помышления! Оно совсем не входило в соображения при начале войны. Все это вызывало чувства горечи, обиды за отечество, негодование на армию и на того, кто руководит ею.

Причиной неудач многие считали неумелое руководство войсками Барклая де Толли. Между тем все тот же классик марксизма писал: «Ни один из крикунов не подозревал, что

⁴⁵ Тот же Мюрат бросился перед Наполеоном на колени со словами: «Москва нас погубит».

⁴⁶ Войска маршала Удино, действовавшие на петербургском направлении, были остановлены под Полоцком, а корпус Шванцерберга, наступавший на Киев, – у Кобрина.

отступление было на самом деле спасением для России». И далее: «Это было делом не свободного выбора, а суровой необходимостью».

Хотя донесения из действующей армии поступали к царю регулярно, публикации же о неудачах ее появлялись в печати нечасто. Более говорилось об успехах, хотя и были они скромны.

В газетах в те дни восторженно писалось об успешном бое у Вилькомира, где арьергард генерала Якова Петровича Кульнева выдержал десятичасовой бой с корпусом Удино. А несколько раньше тот же Кульнев наказал французов за беспечность, разгромив два кавалерийских полка. В арьергардных боях воины Кульнева взяли в плен более тысячи человек, в числе которых оказался и генерал де Сен-Жене.

Командиру корпуса генералу Витгенштейну за действия Кульнева краснеть не приходилось. Любопытно, что, подражая Суворову, Кульнев ходил в простой солдатской шинели и питался вместе со всеми из солдатского котла. Солдаты говорили о нем: «Наш генерал Кульнев всегда первый в наступлении, а отступает последним». Мужество и благородство Кульнева вызывали восторг и восхищение у неприятеля. Еще в бытность войны со Швецией из Стокгольма последовал совершенно необычный приказ: «В Кульнева не стрелять».

В августе 1812 года любимец Суворова нанес чувствительный удар по врагу у Клястниц. К сожалению, в этом бою Кульнев открыл счет погибшим генералам русской армии. «Оттоман, галл, германец и швед зрили его мужество» – это слова из эпитафии, начертанные на камне, установленном на месте гибели Кульнева.

Публикации подобного характера и церковные богослужения были обычны для тех времен.

Между тем русский народ вполне осознавал нависшую над страной угрозу. «На улицах, во всех обществах, в кругу семейном не было других разговоров, кроме народной войны. Умолкли городские сплетни, ссоры, взаимная ненависть. Любовь к отечеству примирила всех. По целым дням стоял народ на улицах, площадях, с жадностью ожидая курьеров из армии. Всякая реляция была пожираема, тысячу раз перечитана, затвержена – имена героев оглашались тысячью голосами».

Словом, ситуация в стране и армии радикально изменилась. Наступал перелом в вооруженной борьбе. Вот почему Барклай, ранее избегавший генерального сражения, теперь все более склонялся к нему.

С этой целью он предпринимает действия к общей координации усилий (во многом беря на себя полномочия монарха).

Так, 3-й Западной армии Торماسова предписывает «подаваться на сколько можно вперед», подчиняет ему Мозырский корпус, ставит задачу на прикрытие Бобруйска и «на действия по правому флангу противника». От Дунайской армии Чичагова требует обеспечить безопасность Волыни. Учитывая недостаточную обеспеченность левого фланга неприятеля, предполагает проведение в Прибалтике «диверсии» – с высадкой десантов.

Еще раньше он обращается в Петербург по поводу заблаговременной подготовки резервов. «Безопасность государства требует... сильных резервов. Формирование оных должно вестись со всевозможною деятельностью», – писал он.

С учетом того, что «война принимает всенародный характер и дело теперь идет об отечестве, божьем законе, спасении жен, детей и имущества», призывает к созданию народного ополчения, а жителей захваченных врагом губерний – к партизанской войне, «дабы вооруженной рукой нападать на одиночные части неприятельских войск». Сряжает летучий отряд Ф. Ф. Винценгероде⁴⁷ для действий по тылам противника.

⁴⁷ В ходе боевых действий отряда Фердинанд Федорович Винценгероде был взят в плен и отправлен во Францию. По дороге отбит отрядом ранее упоминавшегося нами полковника Александра Чернышева, после чего продолжал активное участие в

Одновременно с этим при штабе своей армии учреждает походную канцелярию с типографией, где наряду со сводками военных действий печатались прокламации, воззвания и листовки к солдатам и жителям областей, в коих шли военные действия. Словом, теперь Михаил Богданович начинает обстоятельно готовить вверенные ему войска к генеральному сражению.

Еще находясь в Смоленске, он высылает квартирмейстерский разъезд на дорогобужском направлении, чтобы отыскать подходящие позиции. Было определено две таковых. Первая – западнее, вторая – восточнее Дорогобужа.

Осмотр первой из них в районе села Умолье произвел хорошее впечатление, и Барклай предложил Багратиону примкнуть к его левому флангу. Одновременно он обращается с письмом к Милорадовичу: «Поспешите со своими резервами к Вязме». В то же время Витгенштейну и Торماسову предписывает активизировать свои действия на флангах французских войск.

Он пишет губернатору Москвы Ф. Ростопчину: «Не имея довольного числа войск... чтобы прикрывать все пункты, мы находимся в необходимости возлагать надежду нашу на генеральное сражение. Все причины, для воспрепятствования давать оное, ныне уничтожены». И далее просит Ростопчина «спешить приготвление, сколь можно, московской военной рати⁴⁸ и собрать оную в некотором расстоянии от Москвы, дабы в случае нужды подкрепить наши армии».

Казалось бы, и быть этому! Однако ни простого, ни тем более генерального сражения ни западнее, ни восточнее Дорогобужа не состоялось.

В первом случае Багратион нашел позицию для своей армии неподходящей, потому предложил идти к Дорогобужу. Поскольку правами главнокомандующего Большой действующей армии Барклай не обладал, то «очередной диспут» завершило сообщение об обходе правого крыла русских корпусом Богарне.

Стало быть, ничего не оставалось, как снова ретироваться. 24 августа армии были на позициях восточнее Дорогобужа, осмотрев которые Барклай обнаружил ряд неудобств, а посему, несмотря на возмущения Багратиона, решено было войсками ее не занимать.

И снова отступление! С озлобленными лицами шли войска к Вязме. Обгоняя их, туда же для рекогносцировки позиций для очередного сражения (в который уже раз!) мчались квартирмейстер Толь и начальник инженеров армии Труссон.

О своих вяземских планах Барклай доносил в Петербург: «Теперь мое намерение – поставить у этого города в позиции 30 или 26 тысяч человек и так ее укрепить, чтобы этот корпус был в состоянии удерживать превосходного неприятеля, чтобы с большей уверенностью можно было действовать наступательно. Этому до сих пор препятствовали важные причины: главнейшая та, что доколе обе армии не были подкреплены резервами, они составляли почти единственную силу России против превосходного и хитрого неприятеля». И далее: «Вот та минута, где наше наступление должно начаться».

Намерению военного министра изменить ход войны под Вязмой не суждено было сбыться. Коррективы в планы Барклая внес Наполеон. Еще до начала сражения атаман Платов прислал пренеприятнейшее известие: арьергард русской армии смят конницей Мюрата.

Дабы не привести французов на плечах отступающих казаков, начался спешный отвод армии. Однако на этом неприятности не закончились. Выяснилось, что надежды на подход резервов Милорадовича не оправдались. Было решено продолжать отход войск, на сей раз на позиции к Царёву-Займищу.

войне.

⁴⁸ Ополчения.

Итак, русская армия продолжала отступать, лихорадочно подыскивая выгодные позиции и удобный момент для сражения. Французская же, следуя по пятам, делала все для того, чтобы навязать генеральное сражение в невыгодных для русской армии условиях.

Что же касается Барклая, то он, как и прежде, почти все время проводил в седле. Ко всему, что касалось личных удобств, был равнодушен. Большею частью находился он при арьергарде, располагаясь бивуаком под открытым небом, и скромный обед его нередко прерывался из-за завязавшегося боя.

Хотя официальная пресса по-прежнему была не очень щедра на сообщения из действующей армии, тем не менее столичный люд был в курсе событий. Недостаток официальных сообщений с лихвой восполнялся перепиской с теми, кто пребывал в армии Барклая и Баграциона, рассказами уходящих вместе с войсками очевидцев, да курьеров, едущих в обе столицы со всех сторон.

Вот и теперь, оставив Смоленск, петербуржцы с тревогой ожидали приезда «посланника от Барклая» – младшего брата царя великого князя Константина Павловича. Это порождало массу домыслов. Достоверно было известно лишь то, что едет он к монарху, конечно, с важным от Барклая пакетом. – Что бы оно могло означать, – гадали многие, – коль в качестве курьера используется столь важная персона?» Как ни прикинь, а командира корпуса, генерала, да к тому же царского отпрыска нечасто используют в качестве фельдъегеря!

Ходили слухи и о том, будто великий князь едет к царю с личной просьбой Барклая «о заключении мира с Наполеоном с какими бы то ни было пожертвованиями». Если добавить к тому же просочившиеся слухи о полученном Барклаем письма от самого Бонапарта, то, действительно, не идет ли дело по крайней мере о перемирии?

С недоумением обсуждали и слухи об исчезновении верстовых столбов на Варшавском тракте! Что бы это могло означать? Неужели таким образом хотят уверить Наполеона, что до Москвы ему еще далеко?!⁴⁹

Умиление вызывал смелый поступок витебского лейб-медика, еврея, пленившего кабинет-курьера с важными для Наполеона депешами из Парижа. Герой сей вместе с захваченными им документами послан был Барклаем в Петербург.

И все же более всего занимал приезд великого князя.

Долго отсутствовавшего Константина Павловича поразил необычный вид столицы, неизменным атрибутом коей прежде был многочисленный гарнизон с невероятной пестротой мундиров (например, только конница была уланской, гусарской, драгунской, кирасирской, кавалергардской, егерской, не говоря уже о казачьей). И вдруг столица опустела!

Казармы, занимаемые беспокойным солдатским людом, оказались свободными. Впрочем, в некоторых из них «квартировали» ополченцы «батюшки Ларивоныча» – петербургские ратники, кои усердно усваивали ружейные приемы да экзерциции на Семеновском, Преображенском и других военных плацах. Однако вид этих не по-военному одетых мужиков, в кафтане, подпоясанных кушаком, с топором за поясом особого восторга у сына «прусского капрала» не вызывал. Он никак не мог поверить в то, что тысячи только что оторванных от сохи бородатых ратников, не имевших никакого понятия о военном деле, обучены будут приемам действий в бою за каких-то несколько недель.

Однако самым затруднительным для представителя царского сословия оказалось положение его собственной персоны. В столице великий князь оказался не по своей воле. Причиной тому были довольно необычные обстоятельства. Чтобы понять это, необходимо снова вернуться к «смоленской эпопее», к той роли, какая была уготована брату царя.

⁴⁹ Между тем причина исчезновения верстовых столбов на подступах к Москве состояла в другом. Солдаты, подходя к ним и читая оставшееся расстояние до Первопрестольной, все больше роптали. Это было замечено, потому «оныи столбы свезены были заблаговременно».

Надо сказать, что пребывание в действующей армии Константина Павловича стало к тому времени обычным делом. Если Лев Николаевич Толстой писал, что царский отпрыск «не мог забыть своего аустерлицкого разочарования, где он, как на смотр, выехал перед гвардией в каске и колете, рассчитывая молодецки раздавить французов, и, попав неожиданно в первую линию, насилиу ушел в общем смятении», то к тому времени Константин Павлович кое-чему научился. Командуя корпусом, он провел ряд удачных атак.

Вместе с тем, унаследовав от отца не только надменную курносую физиономию, но и капральский дух, освободиться ни от первого, ни от второго он не мог. Так, наблюдая однажды проходивший гвардейский полк, покрывший себя боевой славой, но не имевший ни должного внешнего вида, ни строевого шага, великий князь гневно воскликнул: «Эти люди только и умеют, что сражаться».

Еще более поразительны признания следовавшего с действующей армией А. Шишкова. «В период труднейших арьергардных боев, – писал он, – великий князь Константин обучал своих солдат ружейным экзерцициям, показывая, в каком положении держать тело, голову, грудь; где у ружья быть руке и пальцу; как красивее шагать, поворачиваться и другие тому подобные приемы».

Дело доходило до курьезов. По воспоминаниям Николая Муравьева (брата декабриста), «с наступлением темноты, частенько „обзаведясь адъютантом“, обгоняя отступавшие неимоверно усталые полки, подражая голосу и манере великого князя, Муравьев громко кричал: „Под арест, под арест, офицеры, по своим местам!“ На следующий день “провинившиеся” командиры полков и дивизий приносили свои извинения чрезвычайно удивленному командиру корпуса».

Как уже говорилось, в числе тех, кто был против того, чтобы оставлять Смоленск, был и брат царя. Обращаясь к солдатам после ухода из города, он сокрушался: «Что делать, друзья! Мы не виноваты... Не русская течет кровь в том, кто нами командует!» Вот как описана реакция великого князя на оставленный Смоленск при встрече его с Барклаем де Толли: «Константин без доклада взшел к нему со шляпой на голове, тогда как командующий был без шляпы, и громким и грубым голосом закричал на него: „Немец, шмерц⁵⁰, изменник, подлец, ты продаешь Россию, я не хочу состоять у тебя в команде. Курута⁵¹, напиши от меня рапорт к Багратиону, я с корпусом перехожу в его команду“. При этом сопровождал свою дерзкую выходку многими упреками и ругательствами».

Барклай, расхаживая по сараю, услышав брань, в первое мгновение остановился, посмотрел на великого князя и, не обращая более внимания на него, не отвечая, хладнокровно продолжал ходить взад и вперед. Константин же Павлович, натешившись бранью и ругательствами, поехал домой приговаривая: „Каково я этого немца отделал!“»

Радость Константина оказалась короткой. Через два часа «по зрелом размышлении Барклая» получил он пакет с предписанием: «Сдать корпус генералу Н. И. Лаврову⁵², немедля выехать в Петербург». Именно этот пакет с отстранением его от должности командира корпуса и удаления от действующей армии и вез в Петербург не подозревавший о своем конфузе великий князь.

⁵⁰ Колбасник (нем.).

⁵¹ Адъютант командира корпуса.

⁵² О добрейшем и опытнейшем (но глуховатом после контузии) генерал-лейтенанте Николае Ивановиче Лаврове в армии постоянно ходили анекдоты. Вот один из них. Как-то на походе сделан был гвардии привал, и Лавров громко скомандовал: «Ложись!» Все легли. Вдруг из авангарда скачет маркитантская повозка. Трепещущий в ней маркитант кричал во все горло: «Сторонись! Сторонись!» Глухому генералу послышалось «Становись!», и он так же громко скомандовал: «Становись!» Весь корпус встал в ружье. Прошло полчаса, и, видя, что к такой тревоге нет причин, Лавров спросил у адъютанта: «Кто прокричал „Становись!“?» и получил ответ: «Маркитант кричал „Сторонись!“» – «Слышу, что адъютант, да чей адъютант?» Ему растолковали, что не адъютант, а маркитант, на что смущенный генерал воскликнул: «Так бы и говорили» и громко прокричал: «Ложись!» И снова весь корпус лежал, теперь от смеха.

Между тем непрерывное отступление армии, без серьезного сопротивления оставившей огромную территорию, вызвало серьезное негодование народа. Особенно возмущена была армия. И снова во главе всей оппозиции оказался генерал Багратион. Дело дошло до того, что ему предлагалось насильственно отстранить военного министра от руководства войсками и самому возглавить армию, действующую против Наполеона.

Подавали голос и нижние чины. «Измена – первое свойство, что приписывает в таких случаях русский солдат начальнику иноземцу». Положение усугублялось огромным числом беженцев, едущих и идущих позади и впереди отступающего войска.

Находились, конечно, и те, кто, несмотря на весь трагизм происходящего, оправдывал Барклая. Так, один из участников войны, в последующем известный писатель и декабрист Федор Николаевич Глинка, оставил нам такую запись: «Я часто хожу смотреть, когда он проезжает мимо полков, и смотрю всегда с новым вниманием, с новым любопытством на этого необыкновенного человека. Пылают ли окрестности, достаются ли села, города и округи в руки неприятеля; вопиет ли народ, наполняющий леса или великими толпами идущий в далекие края России: его ничто не возмущает, ничто не сильно поколебать твердость духа его.

Часто бываю волнуем невольными сомнениями: куда идут войска? Для чего уступают области? И чем, наконец, все это решится? Но лишь только взглядываю на лицо вождя сил Российских и вижу его спокойным, светлым, безмятежным, то в ту же минуту стыжусь сам своих сомнений. Нет, думаю я, человек, не имеющий обдуманного плана и верной цели, не может иметь такого присутствия, такой твердости духа! Он, конечно, уже сделал заранее смелое предназначение свое; и цель, для нас непостижимая, для него очень ясна! Он действует как провидение, не внемлющее пустым воплям смертных и тернистыми путями, влекущий к собственному их благу.

Так главнокомандующий армиями генерал Барклай де Толли, приведший с такой осторожностью войска наши от Немана и доселе, что не дал отрезать у себя ни малейшего отряда, не потеряв почти ни одного орудия и ни одного обоза, этот благоразумный вождь, конечно, увенчает предначертания свои желанным успехом»⁵³.

В суждениях своих Федор Глинка не был одинок. Вот экспромт гусарского офицера Дмитрия Давыдова (в переводе с французского):

Враги продвигаются быстро вперед,
Прощай, Смоленск и Родина,
Барклай все еще избегает сражений
И обращает свой путь в глубь России.
Не сомневайтесь в нем, ибо его воинского таланта
Вы видите лишь первые плоды.

Однако кто были в ту пору Глинка и Давыдов? Всего лишь младшие офицеры, да и то бывшие в меньшинстве. В общем мощном антибарклаевском хоре голоса их не были слышны. Теперь против Барклая выступали все: народ, генералитет, офицеры, солдаты. Участились случаи, когда на приветствие военного министра и главнокомандующего действующей армией воинский строй отвечал гробовым молчанием! Армия, спасенная Барклаем, от Барклая отвернулась!

Не лучшее впечатление о нем сложилось и в Петербурге. Столица Барклая отвергла! Кризис доверия к нему достиг своего апогея!

⁵³ Небезынтересно заметить, что даже Наполеон был великолепного мнения об организации отступления русской армии, заявив, что «Барклай, отступая, не оставил ему не только ни одного колеса от обоза, но даже и следов своего отступления».

Оставив Вязьму русская армия сосредоточилась на позициях у Царёва-Займища Барклай выразил твердое намерение дать здесь первое генеральное сражение, к которому он теперь стремился так же, как прежде уклонялся от одного, ибо цель, поставленная на ведение войны, была достигнута. Русская армия сохранена; армия Наполеона измотана, истощена, без баз снабжения, с необеспеченными и растянутыми коммуникациями, с подорванным моральным духом и самое главное – с радикально изменившимся соотношением сил, которое стало примерно равным!

Наступал момент истины!

Развернув бурную подготовку к предстоящей баталии, генерал от инфантерии Михаил Богданович Барклай де Толли еще не знал того, что произошло в те дни в Петербурге. А дело в том, что от поста военного министра и обязанностей по руководству действующими армиями он был отстранен.

Глава III

«Бросался ты в огонь, ища желанной смерти»

*Нагрянул новый Тамерлан
И бранью тяжкою, ужасной,
Вломился в Кремль, как ураган;
И нет от сильных обороны;
Повсюду страх, повсюду стоны...
И загорается Москва...*

Н. Шатров

Пребывание монарха в Петербурге в августе 1812 года было сопряжено с глубокими раздумьями. Поразмыслить же было над чем.

Беспрерывно отступая, русская армия оставила позади себя огромную территорию. Наполеон все более приближался к своей заветной цели – Москве. Становилось ясно: русский народ рассчитывается «за грехи» императора, за грубые ошибки, допущенные в подготовке к войне, за отсутствие единого, твердого руководства войсками.

«Самодержец, объятый ужасом, уже не был похож на орла». Перспектива «стать императором камчадалов» из бравады превращалась в явь!

Всеобщее возбуждение народа сменялось глухим, грозным негодованием и столь же всеобщим недовольством. Не оставался в стороне от народного гнева и военный министр за его «недостаточно смелые и решительные действия». В народе говорилось: «Ему, инородцу, Россия-матушка не дорога».

Недовольство охватило православный мир.

Особливо же оно велико было в кругах военных. Положение усугублялось до крайности обострившимися отношениями Барклая с Багратионом. Петр Иванович Багратион писал в Петербург: «Я никак вместе с министром не могу! Ради бога, пошлите меня куда угодно, хоть полком командовать на Кавказ, а здесь быть не могу, и вся главная квартира немцами наполнена так, что русскому жить невозможно и толку никакого нет». В письме же к генерал-губернатору Москвы Федору Ростопчину (явно рассчитанному на «общительность этого человека») он так характеризует военного министра: «Подлец, тварь... Генерал не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего нашего отечества... нерешителен, трус, бестолков, медлителен и все имеет плохие качества». И далее: «Я, ежели выберусь отсюда, тогда ни за что не останусь командовать армией и служить. Стыдно носить мундир».

Впрочем, только ли Багратион думал так? У того же не менее известного героя войны «вихрь-атамана» Матвея Ивановича Платова мы читаем: «Не надену больше русский мундир, потому что он сделался позорным».

Не лучшее мнение о Барклае бытовало и в светских кругах. «Не можете себе представить, – писала из Тамбова в Петербург М. А. Волкова, – как все и везде презирают Барклая».

К царю шли письма с мольбой, просьбами и увещеваниями. «Когда б нас разбили – другое дело. А то даром отдаем Россию!» – восклицалось в них. В посланиях к монарху все чаще и настойчивее повторялась мысль о скорейшем учреждении поста главнокомандующего на театре войны.

«Если Ваше императорское Величество не дадите общего главнокомандующего... ручаюсь моею честью и совестью, дело может быть безвозвратно потеряно, – писал генерал-адъютант граф Шувалов. – Армия недовольна до того, что солдаты ропщут. Она не имеет никакого доверия к главнокомандующему... Нужен другой главнокомандующий, главнокомандующий

над обеими армиями, необходимо, чтобы Ваше императорское Величество назначило его, не теряя ни минуты, иначе Россия погибла».

Среди претендентов на сей пост чаще других называлось имя Михаила Илларионовича Кутузова.

Кутузов был в ту пору наиболее заметной фигурой среди русского генералитета. Особенно популярен он был в Петербурге. И это не было случайным. Здесь он родился и провел детские и юношеские годы. Досрочно завершив учебу в Артиллерийско-инженерной школе, учительствовал в ней же. Позднее состоял в Юстицкой комиссии по составлению нового «Соборного уложения»⁵⁴, возглавлял Первый императорский шляхетский кадетский корпус, пребывал в губернаторском кресле столицы, наконец, в июле 1812 года возглавил петербургское ополчение. Словом, в отличие от других, был истинным петербуржцем.

В военных кругах Кутузов слыл талантливым и храбрым человеком, подтверждением чему были и столь необычные его ранения. Он был дважды ранен в голову, и, несмотря на это, «провидение оставило его в живых». Особенно высоко ценились действия Кутузова на посту главнокомандующего Молдавской армией в только что завершившейся войне с Турцией, где он проявил великолепные образцы искусства не только военного, но и дипломатического.

Высоко ценились человеческие качества этого россиянина. Будучи добрым, доступным, отзывчивым и выдержанным в общении с людьми, он обладал в то же время большой силой воли и твердостью характера.

Вместе с тем частое упоминание Кутузова особого восторга у монарха не вызывало. Несмотря на обширный ум, выдержку и такт Михаила Илларионовича, отношения этих двух людей – талантливого полководца и дилетанта в военном деле императора, – мягко говоря, не сложились.

Вот и теперь после столь успешного решения задачи борьбы с Портой Оттоманской, Кутузов был отстранен от командования Молдавской армией. Оказавшись снова не у дел, генерал уехал в свое имение Горошки, что на Волыни. С началом же войны он немедленно приезжает в столицу, где и возглавляет петербургское ополчение.

Итак, с мечтой о полководческой карьере императору пришлось все-таки расстаться. Руководствуясь мудростью «лучше поздно, чем никогда», государь учреждает чрезвычайный комитет по избранию главнокомандующего Большой действующей армии. В состав одного вошли: председатель Государственного совета генерал-фельдмаршал граф Н. И. Салтыков, главнокомандующий в Санкт-Петербурге генерал от инфантерии С. К. Вязьмитинов, председатель департамента военных дел Государственного совета генерал от артиллерии граф А. А. Аракчеев, министр полиции, член Государственного совета генерал от инфантерии А. Д. Балашов, председатель департамента экономики Государственного совета, действительный тайный советник граф В. П. Кочубей, председатель департамента законов Государственного совета, действительный тайный советник князь П. В. Лопухин.

⁵⁴ «Соборное уложение» – основной свод законов Российской империи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.